

Александр Шульгинов

БЛУЖДАЮЩИЙ

В СЕБЕ

Современная остростюжетная проза

16+

Александр Дмитриевич Шульгинов

Блуждающий в себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40234781

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодой человек недоволен своим внутренним миром и ощущает тупик в своей жизни. Он постоянно чувствует одиночество, его угнетает отсутствие прогресса в людях. Жаждающий измениться, главный герой рискует собственным комфортом и стабильностью и в поисках новых смыслов и жизненных целей обращается к самой передовой и современной молодежи. Читателей ожидает остросюжетная психологическая драма, романтика уличных гонок, лихо закрученная детективная линия в свете неустанных философских блужданий главного героя. На примере группы юношей и девушек автор пытается раскрыть проблему поиска вектора жизни целого поколения – молодёжи XXI века.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	67
Глава 4	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Александр Шульгинов

Блуждающий в себе

Глава 1

Я толкнул тугую, некрасивую дверь. Она поддалась, и я вышел под ночной, холодный дождь. Предстояло ехать домой около двух часов. Водители в непогоду снижали скорость, чтобы увеличить шансы добраться домой целыми. Я делал, как они. Хотя чрезмерная предосторожность меня бесила. Нежное поглаживание педали газа, плавное-плавное торможение и редкие проблески человечности, когда водители мигали мне аварийкой и только потому, что я был как они – вежливым, но, по сути, равнодушным, угнетенным и зацикленным на себе.

В потоке я был беспомощен. Никуда не деться и ничего не изменить. Как они, я двигаюсь еле-еле и ежесекундно убегаю свою жизнь от рисков. Приезжаю домой и включаю качественно сделанные, увлекательные сериалы – затмеваю безысходную тоску. Сериал – это смысл чьей-то жизни, кусок хлеба режиссера, продюсера, оператора. Моя жизнь – это звуковая петля, луп, фрагмент, зациклившийся в своем воспроизведении бесконечное число раз.

Вот сейчас я приеду, зажгу везде свет, чтобы не было оди-

ноко. Потом, чтобы помыться, заправь в ванной на щеколду, а то вдруг кто-то залезет на одиннадцатый этаж. А сидя в ванне, я еще более беспомощен, чем стоя в дорожной пробке. В ванне я гол, а мою уверенность подпитывает одежда, желательно, дорогого бренда, поскольку в себе я по жизни не уверен, ибо двадцать четыре часа в сутки делаю ненавистные мне вещи.

Но есть, вероятно, на свете развлечения, острые и максимальные по степени удовольствия. Я верю в это. Ибо радости, которые я вкушаю сейчас, тошнотворно пресны. Что может быть скучнее краеведческих или исторических музеев? В тишине, стыдливо скрипя половицами, под бдительным наблюдением колючих бабушек в пуховых платках проскользнуть взором по замусоленным покрывалам, давно не стрелявшим револьверам, проглядеть, не касаясь руками, обрывки столетних мемуаров. То же самое в музеях меня ожидало за границей, только за существенно большие деньги и невозможностью никого понять и поговорить из-за чужого языка и менталитета.

Выходил ли я из этих заведений одухотворенным и готовым применить полученные «знания» на практике? Никак нет. Где, собственно, скрывается жизнь в этом старье? Старье – это умершее, неинтересное явление, которое должно было сгореть с прошлым. Человечество могло бы освободить колоссально много места, если бы в прямом смысле хладнокровно сожгло бесконечные музеи, памятники, взорвало бы

древние здания, колонны, и прочую, захламляющую планету дичь. Вместо бесконечного рытья в старье переключилось бы на создание нового, современного, яркого и позитивного.

Стоя под потоками дождя, я развивал и развивал те мысли, которые большинство людей отгоняют десятилетиями, находят способы отвертеться от реформирования своего сознания. Пылая ненавистью к серому городскому потоку, я не был мизантропом. Я просто пытался представить «других» людей. Ведь должны существовать люди и другая жизнь вне этого потока? Есть ли нормальные развлечения, которые по-настоящему могут развлечь? В моем многомиллионном городе я таких не находил.

Из какой еще зоны комфорта мне вечно предлагают выйти? Я в нее никогда не входил. Повторюсь, что двадцать четыре часа в сутки я делаю ненавистные мне вещи. Но ведь она есть, зона райского блаженства? Она точно не в этом унылом корейском обмылке, что передо мной. Я стоял рядом со своим автомобилем – Хён Дэ Солярис. Отвратительно рыжий, он глядел на меня глупыми, сальными, зализанными фарами. Как мне захотелось разбить их вдребезги!

Хён Дэ был для меня зоной мучительного дискомфорта. Я его ненавидел. Он не ломался, но безумно раздражал. А если бы ломался? Все равно что близкий человек, который ненавистен своей близостью, вдобавок, заболит и ежедневно молящим взором будет вынуждать тебя тащить его на горбу. В данном случае, Солярис таскал меня на своем горбу, а

я его ненавидел. Я имею право ненавидеть начальный, бюджетный, «эконом-классный» уровень жизни.

Обмылок был взят в дешевейшей комплектации без кондиционера, с пластиковым рулем и в морковном цвете, который выбирал, конечно, не я – от машины кто-то отказался в последний момент, и со скидкой ее вручили мне. Чахлый мотор в городе натужно жужжал, пытаясь имитировать бойкость, на трассе же – просто надрывно ревел. Механической коробке упорно не хватало шестой передачи. Кичливая азиатчина в салоне резала глаза.

Кредит я платил несколько лет. Только чтобы не ездить в метро. Я не стесняюсь говорить о том, что не люблю толпу угрюмых и подавленных зомби, колыхающихся в вагоне, словно подсолнухи на ветру. Я был одним из тех зомби долгое время, однако, пересев на автомобиль, так им и остался. Зомби в пробке. К тому же, сэкономив на кондиционере и автоматической коробке передач, я чувствовал себя гастарбайтером-таксистом из Средней Азии.

Признаюсь, что несколько первых недель у меня была эйфория новизны. Но проездив месяц, другой, третий, я начал постепенно осознавать весь ужас происходящего. А именно того, что ничего не происходило. Автомобиль не разжег во мне никакой страсти и радости. Эмоции сгорели.

Я подошел к мокрому Солярису.

– Бездушная тварь. Ты либо изменишься, либо будешь принадлежать другому. – Проговорив это, я сел за руль и за-

вел двигатель. Отпустив сцепление, я плавно тронулся. Руль страшно завибрировал, и я тотчас остановился. Вышел из салона в дождь. Колеса были проколоты. Все.

– Вот! – торжественно проговорил я. – Ты почувствовал, что я тебя ненавижу. – Я пнул рыжий бампер.

Вероятно, информация витала в воздухе и передалась мне. В течение всего рабочего дня я чувствовал странное напряжение, будто что-то непременно должно было случиться этим вечером. И оно случилось.

Я заметил белую бумажку, прилипшую к дворнику. Ее залило дождем, она подкисла. Я сел в салон и подсветил ее экраном смартфона.

«Извини, старик! Мы снимали здесь днем фильм и задействовали твою тачку. Позвони нам, мы всё компенсируем».

Я встряхнулся. Тоска и угрюмость немедленно прошли. Набрал номер.

– Алло! Добрый вечер. Хозяин Соляриса с проколотыми шинами.

– Здравствуйте! – проворковал приятный женский голос. – Приносим извинения за доставленные неудобства. Продиктуйте номер кредитной карты, и мы сразу возместим Вам материальный и моральный ущерб.

– Отлично. – Я продиктовал цифры.

– Для обеспечения безопасности перевода просим назвать три дополнительные цифры на оборотной стороне карты и нажать на телефоне циферку «один».

«Надо же. Как надрессировали девку, – усмехнулся я про себя. – Прямо как робот строчит. – Я продиктовал и нажал, что просили».

– Удобный у Вас сервис, – проговорил я в трубку. – А что за фильм Вы снимали?

Послышались гудки.

Через секунду пришло сообщение о полном списании средств с кредитной карты. Две трети месячной зарплаты. Еще через секунду списали все деньги с мобильного телефона.

– Ай, молодцы! Как талантливо, – ухмыльнулся я. Тут я сообразил, что разговаривал с роботом. Мошенники так обленились, что поставили «на поток» работа, который искал таких дураков, как я. В любой другой день я, безусловно, бросился бы разыскивать злоумышленников, писать заявления в полицию, отслеживать по звонку их местоположение. Но не сегодня. Сегодняшний вечер, дождливый и жестокий, только начинался. Я чувствовал приближение новой жизни. Моей новой жизни.

Я вернулся к некрасивой двери, оставив автомобиль заведенным со включенными фарами. Даже дверь не закрыл.

– Не угонят уж точно, – усмехнулся я. – А вот привлечь новых интересных и нестандартных личностей такая картина способна. Чтобы изменить жизнь, нужны новые люди, новые знакомства. Без них никак.

Прийти, увы, было некому. Я стоял на заднем дворе ста-

рого, заброшенного советского завода, в здании которого небольшая коммерческая фирма снимала офис. Я работал в этой фирме. Должность была ничтожная и слабо запоминающаяся. Я предпочитал не говорить о ней никому.

Все уже давно разъехались по домам – на часах было около восьми. А я всегда любил задерживаться, потому что дома никто не ждал. Только сериалы. К тому же, я любил ночь. Ночная езда, несмотря на ненависть к Солярису, меня всегда немного будоражила. Сегодняшние события были неслучайны. Я чувствовал это. Революционный переворот должен был свершиться.

Я вернулся в офис и сел за компьютер.

– Избавимся от рыжего уродца! – воскликнул я. – Но сперва нужно поесть.

В офисе сожрали всё, кроме пакетиков чая и растворимого кофе. С мобильного звонить с нулевым балансом не позволили, поэтому я отыскал в Интернете нужный номер, набрал его с городского телефона и заказал суши в офис.

– Прелесть холостяцкой жизни заключается в ненужности ехать домой к семье ужинать, – усмехнулся я.

Курьер приехал быстро. У него был Дэу Матиз и тоже рыжего цвета. Когда молодой человек назвал стоимость заказа, я внезапно сообразил, что у меня нет ни копейки. Всё было украдено.

– Слушай, старик. А забирай Солярис!

– Что? – курьер побледнел и попятился.

– Что слышал, – спокойно ответил я. – Я работал на эту машину несколько лет. Но сегодня я прощаюсь с ней. Больше не судьба нам быть вместе. И я хочу, чтобы она попала в хорошие руки. В твои прекрасные руки, – я нежно погладил руку курьера и тот, разжав пальцы, в изумлении выронил пакет с заказом.

– Возьми ее себе, – ласково проговорил я и посмотрел молодому человеку в глаза. Ему было не больше двадцати на вид.

– Я... я не могу.

– Почему? Она твоя. Заведенная, готовая мчаться на край света. Только осмелюсь взять ее.

Курьер остолбенело смотрел на меня.

– Сядь, посмотри хотя бы на салон.

– Нет-нет! Мне это не надо, – молодой человек начал испуганно озираться.

Тогда я подтолкнул его к открытой двери заведенного Хёндэ, и он повинувался.

– Смотри, какая изящная приборная панель, магнитола с ядовито-синей подсветкой, подушки безопасности есть. У тебя ведь их нету? Твоя машина небезопасна. И цвет рыжий, как у твоего Матиза. Три года машине. Давай, езжай! Просто исчезни в темноте.

– Я... не могу!

– Ты даже не попробуешь уехать?

– Мне это не надо!

– Что не надо? Ты хочешь этого. Твоя жизнь может измениться в момент. Ну, подумаешь, работу потеряешь. Развонзить суши можно хоть на Луне. Ты сэкономилшь несколько лет жизни! Только представь, не нужно платить кредит, работать на ненавистной работе. Просто сел и поехал. Поверь в чудо, которое свершается на твоих глазах.

– Нет-нет. Я не могу.

– Выжимай сцепление!

– Нет-нет! Оставьте меня! – испуганно вскричал курьер, выскользнул из салона и кинулся к Матизу. Завелся и рванул с места. Через несколько секунд он исчез в темноте.

Я подхватил пакет и вернулся в офис.

– Так-так. Запеченные с окуном, «Филадельфия», спайси с лососем... Ммм... как они выглядят... И горячие еще. – Я схватил бамбуковые палочки. – Так, с чего бы начать. Стоп... А где соус унаги? Этого не может быть! – Я схватил смартфон.

– Девушка! Как Вы могли не положить мне соус унаги?!

– Минутку. Номер заказа.

Я продиктовал.

– А у Вас не оплачен заказ.

– Совершенно верно. Не оплачен.

Девушка смутилась.

– А... почему?

«Новенькая, что ли? – подумал я. – Другая бы сразу ментов вызвала».

– А курьер не взял деньги, – наглым тоном произнес я.

– Не может быть.

– Точно Вам говорю. Я предлагал ему... Вы не поверите, в тысячу раз больше стоимости заказа.

– И он отказался? – с недоверием уточнила девушка.

– Именно. Но я, собственно, звоню по поводу унаги. Довезите его мне. И поскорее, пока суши, вернее... роллы не остыли.

– Минуту, пожалуйста, оставайтесь на линии.

– Это долго! – возмутился я. – Счет за телефон моя фирма оплачивает. А у фирмы денег мало. – Но меня уже никто не слушал. Играла веселенькая полифоническая мелодия.

Она проиграла один раз, другой, затем третий. Я не выдержал и куснул один из запеченных рыжих комочков. – Копченый угорь... оох... ммм... оох... – Голова моя закружилась от восторга. Сердце переполнилось бесконечным счастьем. Тот ролл, что я куснул, не был завернут в тягучие водоросли, а это означало, что я мог откусывать, а не заглатывать целиком. Никогда у меня не хватало отваги съесть ролл за один укус. Как можно себе позволить покончить с удовольствием за считанные секунды, имея возможность растянуть его на минуты? Даже если предположить, что ролл достался бесплатно, нужно уважать и удлинять моменты счастья в жизни. Их не так много.

– Благодарим Вас за ожидание. По поводу унаги...

– Да-да, – жарко заговорил я в трубку, причмокивая.

– Мы связались с курьером, который доставил Вам заказ. И он сообщил нам, что... не готов довести Вам соус. Но он подтвердил оплату заказа. Ранее произошел какой-то сбой. Курьер буквально сейчас внес собственные средства, поскольку Ваши вначале не были зачислены. Всё в порядке.

– Но я не оплачивал...

– Нет-нет. Оплачивали. Он принял от Вас деньги, но, вероятно, оплата не прошла, и тогда он внес свои. Теперь всё в порядке. Просто технический сбой. Приносим извинения.

– Ну ладно... Так насчет унаги, – напомнил я и откусил еще один ролл. Оказался с крабом.

– Мы приносим извинения, но курьер не может к Вам вернуться и довести соус. По каким-то личным причинам он отказался ехать к Вам. Других сотрудников у нас, к сожалению, в Вашем районе нет. Позднее время. Мы готовы компенсировать ущерб и доставить Вам точно такой же заказ завтра в любое удобное для Вас время. Совершенно бесплатно, разумеется. Впрочем, Вы вправе подать жалобу на нашего курьера...

– Насчет него я подумаю, – небрежно бросил я. – Заказ доставьте по тому же адресу завтра в районе семи вечера. – Я положил трубку.

И принялся уплетать еще теплые роллы.

– Так-так... Загружаем фотографии рыжего уродца. Причина продажи... хмм... напишем так: «Продаю, потому что больше не люблю. А меняться ради меня он не хочет. Торг

у капота. Отдам сегодня. Просмотр на территории старого, безлюдного завода». Цену поставим ниже рыночной процентов на пятнадцать. Лишь бы избавиться от дерьма...

Через час, когда суши были съедены, три чашки растворимого кофе выпиты, позвонил покупатель. Голос показался неестественно писклявым, наигранным. Я настоял, чтобы приехали прямо сейчас. Мол, звонков куча, заберут быстро. На том конце провода согласились.

Я положил трубку и начал готовиться к обороне. Почему-то у меня не было сомнений, что машину будут отжимать. И не только лишь ночное время, притворный голос покупателя и его радостное согласие приехать на территорию завода вызвали у меня такие мысли. Ситуация в стране обострялась с каждой неделей. Цены бешено росли, курс рубля падал, население задыхалось от налогов, штрафов и прочих поборов со стороны государства. Преступность расцветала, как верба в апреле. Истории, когда бандиты приезжали на эвакуаторах и увозили продающиеся автомобили в неизвестном направлении были не редкостью.

– Их, как минимум, будет двое. Или трое. Что у меня есть? Нож для масла и тот тупой. Им не резать, а только пилить вот этими зазубринами. – Я с сомнением поворачивал нож. – Ладно. За пояс заткну, чтобы рукоятку видели. А вот в руки надо взять оружие посерьезнее. – Я сходил в туалет и нашел там швабру и очиститель воздуха. – Можно выдать за баллончик, но нет... Очень будет странно.

Я поворачивал глазами, оценивая желтые пятна по потолке.

– Пожалуй, надо притвориться безумным. Тогда бандиты будут обескуражены. – Я удовлетворенно хмыкнул. – Так и сделаю.

Через полчаса позвонили и сказали, что почти на месте. Я вышел к Солярису. Двигатель по-прежнему работал, фары светили, но дождь кончился. Завидев через минуту блуждающий лучик фонарика, я сел у открытой водительской двери прямо на грязный асфальт и уткнулся лицом в колени. – Будь, что будет!

Вскоре послышались шаги и радостные возгласы.

– Вот он, смотри!

– Точно, рыжий Солярис!

Оба голоса были мужские. Я ждал.

– А где владелец-то? – спросил один голос.

– Владельцами станем мы! – захохотал второй.

«Вот и начинается», – подумал я. Было темно и с фонариком они, вероятно, меня не замечали.

– Дверь открыта. А почему она заведена?

– Может, продавец в багажнике лежит?

Я услышал, как они открыли багажник.

– Его здесь нет! – наигранно воскликнул первый голос.

«Это он мне звонил», – подумал я.

– Но скоро он здесь будет! – загоготал второй.

– Погоди, тачка заведена. Значит, ключи есть, а владельца нет. Что нам мешает просто сесть и уехать? И не надо руки

марать.

– Да поехали! – с легкостью ответил второй.

Шаги приблизились ко мне.

– Твою мать, вот он!

Я не поднимал головы.

– Слышь, хозяин, ты что, бухой что ли?

– Машину продаешь?

Меня легонько пнули ногой в бедро. Я вскинулся и укусил обидчика в икру. На нем были темно-синие джинсы. Покрой оказался нежным, бархатистым, вовсе не грубым.

«Джинсы не из дешевых, – удивился я про себя. – Кто же он такой?»

– Ааа! – взревел укушенный и попытался вырваться. Но я схватил его ногу обеими руками и зуб не разжимал. – Отпусти, слышь! Ты псих?!

– Да отпусти ты его! – вмешался второй. И его тон был визгливым и растерянным.

Услышав нотки ужаса, я поднял голову и увидел двух сильно напуганных молодых людей.

«Я победил», – удовлетворенно подумал я.

Укушенный оказался пухлым, невысоким юношей лет двадцати пяти на вид, с нагловатым, высокомерным выражением лица. Второй светил фонариком и видеокамерой мне в лицо, и он был высоким, худощавым, модно подстриженным парнишкой около двадцати, с видом взбалмошным и энергичным.

Я оглядел своих гостей. Они явно не были бандитами. Одеты были столь прилично, что представить их грабителями было невозможно. Я спокойно улыбнулся, глядя прямо в камеру.

– Ты нормальный, чел? – осторожно спросил пухлый.

– Абсолютно, – подтвердил я.

– Ты прикалывался что ли? – прищурился он.

– Ну да, – ответил улыбкой я. – А вы блогеры?

– Ну да, мы ищем острые ощущения, всё такое, – широко улыбнулся худощавый. – Я – Свирь.

– Очень приятно. Слава.

– Гошик, – протянул руку пухлый.

Я поздоровался с обоими.

– Вот так, дорогие чувачки, первое же объявление и такой успех у нас с вами. Приключения нас любят, а мы любим их, – затараторил в камеру Свирь.

– Ответственно заявляю, что это не постановка. Подтвердите, мужики!

Я поднял палец вверх, смеясь.

– Вот именно! – продолжал Свирь. – Прямо под видео ставим палец вверх. И ждем следующий ролик. Он будет еще горячее!

– Ха-ха-ха! Круто! – оценил я.

– Идеально, Свирь! – одобрительно прогудел Гошик. – Просмотров будет дофига.

– Рад стараться, – расплылся в улыбке Свирь. – Ну че,

парни, погнали по кофе?

Я чуть было не предложил им зайти в свой офис, но вовремя сдержался.

– Давай, – поддержал Свирия Гошик. – Поехали с нами, Слава, – обратился он ко мне.

Я, разумеется, согласился.

– Не на этом корыте, конечно. Оно твое, кстати?

Мы зашагали за Гошиком, махнувшим рукой вперед – прочь с территории завода. К счастью, я успел забросить нож для масла в салон Соляриса.

– Моё. Для одного проекта брал, – соврал я.

– А так на чем ездешь?

– Камаро, – выпалил я.

– Неплохо, – одобрил Гошик.

– Надо будет заезд устроить. Снимем видео и подпишем: тот самый безумный чувак из Соляриса, – загоготал Свирия.

– Я не против, – бодро заявил я.

– Ну вот и отлично. Завтра ночью скатаемся.

Тем временем мы вышли на проспект.

Тут я увидел, на чем приехали мои гости, и приостановился. Это был золотой Мерседес Гелендваген. В простонародье – Гелик. Понятное дело – это было не чистое золото, а лишь зеркальная пленка, но в свете единственного фонаря, обтекающий дождевыми каплями, Гелик смотрелся зверски круто.

Я с трудом удержался от восторженного вопля.

– Хорошие тапки, – постарался как можно небрежнее произнести я, указывая на страшно-черные кованые колесные диски.

– Двадцать вторые, – расплылся Гошик. – Пятерку стоят. Я не стал уточнять валюту и лишь уважительно поджал губы к носу, закивал.

Мы залезли внутрь. Я сел на переднее пассажирское кресло. Свирь сел назад и затих, уткнувшись в ноутбук.

– Работает, – уважительно указал на него Гошик и повернул ключ зажигания. Гелик хрипло рявкнул и неровно забурлил восемью цилиндрами. В тихом и неподдельном восхищении был я один. Новые мои друзья казались совершенно спокойными. Гошик лениво погазовал на месте, перевел селектор автомата в «Драйв» и рванул. Ровный, низкочастотный, утробный рев наполнил салон.

«Восхитительно!» – пропела моя душа. Но вслух сказал: – Это шестьдесят пятый? – Я имел в виду модель Гелендвагена. В таких ситуациях необходимо было показать пренебрежительность, высокомерие, даже капризность. Я отчаянно захотел закрепиться в этой компании своим.

– Нет, шестьдесят третий, – чуть недовольно и будто бы извиняющимся тоном сообщил Гошик.

«Ага, поймал! – радостно подумал я. – Самый легкий способ унижить владельца шикарного автомобиля – намекнуть на то, что есть такой же, но подороже, и вот он-то в твоих глазах идеал. А это так, не совсем топ... Сейчас он должен

начать оправдываться, но ни в коем случае не сетовать на высокую цену более мощного автомобиля».

– Шестьдесят пятый ждать долго. Его в наличии никогда нет. Редко кто берет с двенадцатью цилиндрами, а этих в салонах, с восьмерками, завались.

– Ну да, – подтвердил я и не стал спорить. Слова Гошика были правдой. Я знал это, поскольку обожал изучать технические подробности автомобилей. И, в целом, автомобили были той упоительной отдушиной в моей серой, одинокой, бессмысленной жизни, в которую я готов был погружаться всегда, на любые глубины, задерживая дыхание на часы, десятки часов, не замечая вокруг бестолкового быта, информационно-пропагандистских войн, отвратительных политических склок и несправедливости социально-экономического устройства.

Сидя в роскошном Мерседесе, я осознал вдруг, что-то человеческое окружение, которое я имел до сегодняшнего вечера, дарило мне гораздо меньше эмоций, чем простое созерцание автомобилей. Сотрудники на работе были традиционными метро-зомби – пассажирами подземки, скучными, пассивными, индифферентными до всего на свете. Казалось, что ничто на свете не способно их расшевелить и вывести из состояния вечно сонного оцепенения. Какими окажутся мои новые товарищи и примут ли они меня в свою компанию, мне оставалось только гадать.

На первый взгляд, мне показалось, что они способны про-

тянуть «золотую ручку» и вытащить меня из эмоционального болота, в которое я погрузился по уши. Гошик и Свирь казались живыми, очень уверенными, ведущими полноценную, многогранную и многосмысленную жизнь. Интересны ли они как личности? Какова их жизненная задача и что они могут предложить, как наследники крупных состояний, стране, в которой мы живем? Ведь они, по всей вероятности, будущая элита страны.

Я было нахмурился, готовый погрузиться в серьезные думы, но затем махнул рукой. «По крайней мере, если как личности они не увлекут меня, то их незаурядные автомобили будут способны разжечь внутри меня негаснущее пламя. Вот окажутся ли они, как люди, эмоционально богаче, чем автомобили? – Я вздрогнул от этой мысли. Настолько грубой и режущей сознание она мне показалась».

Меня привлекла пластиковая табличка, прилепленная к приборной панели Гелика. Я взял ее в руки и прочел:

«Человек, воспринимающий автомобиль, как средство передвижения, ставящий во главу угла безопасность, простор на задних сидениях, практичность багажника – человек, по всей вероятности, мертвый. Внутри, в душе, он не может признаться себе, что его возбуждает скорость, разгон и дрифт. Невозможно к некоторым автомобилям оставаться равнодушным. Хотя бы первые несколько дней ты будешь сходить от них с ума. Если ты не задыхаешься в восторге от разгона суперкара за три секунды до сотни и не захлебыв-

ваешься от феерической управляемости – ты мертвый, душевный человек. Ты доживаешь на Земле и твой эмоциональный мир никому не интересен».

– Гошик, твоя работа? – восхищенно спросил я водителя. Тот глянул и отмахнулся.

– Не, я ничего не пишу. Это Свирь.

– Но ты разделяешь мнение?

– Конечно.

– Жестко. Но правда.

– Угу.

Без заводного Свиря беседа не клеилась.

«Может, он мне не доверяет?» – подумал я и всмотрелся в Гошика. Я решил еще раз его прессануть.

– Если разделяешь, почему Гелик тогда? Он же увалень. В поворотах никакущий.

– Самое главное в автомобиле – это двигатель, – спокойно отозвался Гошик. Всё остальное может быть любимым, но двигатель всегда вывезет, даже если у тебя плохое настроение. Но если у тебя плохое настроение и слабый двигатель, какая бы мультимедиа у тебя ни была, ты будешь всю ненависть выливать на свою машину.

– Золотые слова, – одобрил я.

– Но это мое мнение. Кто-то кайфует от управляемости. Был у меня давно Субару. И управляемость там – это нечто. Но движок был так себе. И я мечтал о большем. А вот здесь, – он громко постучал по торпеде, – восемь горшков. И я в лю-

бой момент могу навалить. Свирь тоже от движков кайфует. А остальные наши ребята... кто от управляемости, кто от звука выхлопа. Но важность двигателя признают все.

Свирь сзади молча щелкал по клавишам.

– Мне тут монтажер пишет, что разглядел проколотые колеса у твоего Соляриса, – наконец произнес он.

– Так и есть, – подтвердил я.

– Реально? А как ты на ней ездил?

– Говорю же, для проекта одного брали. Фильм снимали.

– Че за фильм?

Оба неотрывно уставились на меня.

– Восемнадцать плюс, – соврал я.

– Ааааа... – оба заревели и захохотали. Обстановка мигом изменилась в позитивную сторону.

– Ты непростой чувак, Слава. Сначала эта комедия с сумасшедшим продавцом, теперь фильмы для взрослых. Тебя надо свести с нашими девчонками. Они одобряют.

Я внутренне возликовал. «Теперь нужно держать легенду до конца, не проколоться», – строго приказал я себе.

Тем временем, мы подкатили к кофейне. Свободное место было через три машины, но Гошик дал газу и Гелик с ревом вскарабкался на двадцатисантиметровый бордюр. Встали буквально в двух метрах от входа.

– Золотой Гелик, че! – хрюкнул Гошик. – Думаешь, хоть кто-нибудь что-нибудь посмеет сказать?

На часах было одиннадцать. Кофейня работала круглосу-

точно. Было почти пусто. И не только из-за времени. Как я уже упоминал, народ в стране нищал с каждой неделей. Позволять себе стаканчик кофе за триста рублей мог только человек, не кормящий своей грудью государство.

– Американо. Самый большой. Вареники с вишней.

– Ризотто с морепродуктами. «Наполеон». Капуччино большой.

– Ты че будешь, Слава?

Я театрально хлопнул себя по карману и признался, что забыл деньги.

– Да ладно, не вопрос. Бери, что угодно, потом вернешь.

Я взял тирамису и латте. Вышло девятьсот пятьдесят рублей – за простой стаканчик кофе с молоком и менее, чем двухсотграммовый кусочек торта. В другое время я бы остолбенел от ужаса, но не сейчас. Сегодня я – пассажир золотого Гелика. Я должен соответствовать статусу моих новых друзей.

– Готово! – закричал Свирь, едва мы уселись. Он снова глядел в свой тонкий алюминиевый ноутбук. – Видео залито. Пошли первые лайки!

Подошла официантка и принесла заказ. Свирь взглянул задумчиво на девушку и неожиданно пропел высоким голосом:

– Ну вот ты и попалась!

– Что?! – девушка опешила.

– Это ты меня об этом спрашиваешь?

– Простите...

– Не прощу! – продолжал уже холодным тоном Свирь. – Я тебя знаю. И ты меня знаешь, – он не отводил с официантки глаз. – Где была третьего ноль второго?

– Не помню...

– Зато я помню!

– Встань сюда! – Свирь решительно схватил девушку за талию и притянул к себе, затем бесцеремонно обыскал и, повернув задом, проделал то же самое.

Я сидел, ошалело наблюдая за сценой. Гошик, к моему изумлению, сидел, не поднимая головы, и уткнулся в смартфон.

Официантка окончательно растерялась.

– Как звать? – неожиданно перешел на бас Свирь.

– Дуня, – пролепетала девушка. – А Вы откуда меня знаете?

– Молчи! Все совпадает.

– Я ничего не пони...

Свирь поднес смартфон ко рту и тоном, каким говорят по рации, произнес:

– Восьмой. Она здесь. Начинаем.

– Не могли бы Вы объяснить...

– Нет! – жестко ответил Свирь.

– Хорошо, – неожиданно робко повинувалась девушка.

– Сейчас приедут люди. Им всё расскажешь.

– Какие люди? Что рассказывать? – девушка неожиданно

начала смелеть.

– Это ты меня об этом спрашиваешь? – грозно прорычал Свирь.

– Вас!

– Где была третьего ноль второго?

– Я ничего не знаю!

– Ага! Отговорки пошли!

– Нет!

– Дуня! Скажи «А»!

– А! – на автомате откликнулась девушка.

– Дуня, громче! – потребовал Свирь.

– Ааа!

– Давай истерично и на всю кофейню!

– ААА!

Страстный стон прокатился по всем столикам, долетел до кухни и, вероятно, вздрогнули даже прохожие на улице, которым приходилось аккуратно обходить золотой Гелик, едва ли не протискиваясь между машиной и входом в кофейню.

– Умница! – похвалил Свирь и расслабленно откинулся на мягкий диванчик.

Подошел администратор.

– Все в порядке? – подозрительно покосился он на Дуню.

– Эта девушка меня домогается, – произнес Свирь, указывая на Дуню. – Не знает, как привлечь внимание, поэтому издает такие громкие звуки. Видите, как покраснела? Примите соответствующие меры. Я считаю, что такое поведение

сотрудника совершенно недопустимо в столь достойном заведении, как Ваше. Мы Ваши постоянные клиенты, но сегодня очень разочарованы.

– Дуня! – с упреком произнес администратор. – Идем, отойдем.

Они ушли.

– Отлично! – бодро произнес Свирь. – Конец трансляции, друзья, – сказал он, глядя в камеру. Подписывайтесь, ставьте лайки, если хотите продолжения с Дуней.

– Свирь, это что было? – изумился я. – Постановва? Ты ее знаешь?

– Первый раз в жизни вижу.

– Что, всё придумано на ходу?

– А то! – Свирь хмыкнул с удовлетворением. – Это моя работа.

– И что... люди такое смотрят? – осторожно спросил я, не желая обидеть.

– А то! – повторил Свирь. – Назовем это видео... ммм... – он зажмурился и пощелкал пальцами, – «Красотку Дуню из-за меня увольняют с работы». Ха-ха!

– Ее серьезно уволят, думаешь?

– Неважно. Главное – громкое название. Хотя ты прав, я создам неопределенность. В описании допишем, – он застрожил по клавиатуре, – если хотите спасти Дуню, приезжайте немедленно в кофейню по такому-то адресу. Всем приехавшим сейчас скидка на кофе пятнадцать процентов. Гото-

во! А теперь я иду торговаться с администратором, – Свирь вскочил.

– В смысле? – я недоуменно поднял брови.

– Благодаря моей рекламе, в эту кофейню сейчас навалит толпа народу. Мои условия – это «оптовая» скидка на кофе моим подписчикам плюс я беру свой процент. В итоге, кофейня скидывает процентов двадцать пять, но продает в тихий ночной час порядка пятидесяти стаканов кофе.

– Офигеть, ты бизнесмен!

– А то! – хохотнул Свирь и исчез.

Я глянул на Гошика. Тот уткнулся в смартфон и что-то быстро набирал.

«Ну как можно игнорировать всё на свете, сидя в телефоне?» – подумал я и куснул тирамису. Он оказался превосходным. Кофе также не шел ни в какое сравнение с дешевой офисной бурдой, называемой растворимым кофе.

Вернулась Дуня. Тихая и опустившая темные ресницы в пол, она осторожно поставила кусочек «Наполеона» на наш стол. И тут же громко вскрикнула. Оказалось, что Свирь подкрался сзади и ущипнул ее за шею.

– Ты что, дурак? – обиженно проговорила она. – Мне выговор сделали из-за тебя.

Она совершенно не собиралась мстить Свирю, напротив, смотрела на него с большим интересом.

– Я на тебе сотку сделаю!

– Сто рублей? – удивленно подняла брови Дуня.

– Сто тысяч, – хохотнул Свирь. – Серьезно.

– Но как?!

– Я тебя стримил, пока ты кричала. Ну... крики твои записал на видео и сразу выложил. Десять тысяч человек смотрели трансляцию. Теперь все требуют твой телефон. Многие из них уже едут сюда.

– Они будут знать, где я работаю? – задохнулась девушка. Она не знала толком, как реагировать – злиться или радоваться.

– Дура! Они будут тебя боготворить. Большая часть, конечно, нищие и убогие, но тебе не всё ли равно? Ха-ха!

– Но я не хочу такой популярности.

– Поздно уже. Она сама к тебе пришла.

– А у тебя канал... не оппозиционный?

– Ха-ха! А ты хочешь жить в нашей стране и отмазываться от политики? Типа я такая незаметная, ни в чем участвую, но государство мне должно, так?

– Да ну тебя! – девушка надулась.

– Ха! Беги, пока не поздно, Дуня! Здесь теперь твоя жизнь станет совсем другой. Я тебе ее изменил. В один момент.

– Зачем ты это сделал?

– А кто бы еще смог так сделать? В нашей стране всем правит случай. Могла бы до пятидесяти лет убирать и мыть кофейные столики, а теперь в один миг тебя узнал чуть ли не каждый десятый в стране. У меня десять миллионов подписчиков, Дуня. Я – сила, которой мало что равно.

Свирь расхохотался и ни малейшего высокомерия в его хохоте я не услышал. Гошик все это время ел вареники с вишней и казался совершенно безучастным, даже не улыбался происходящему. Я решил дождаться окончания его трапезы и понаблюдать.

– За всё нужно нести ответственность, Дуня, – не унимался Свирь. – Сказала «А» – изменила всю свою жизнь.

– Блин, удали видео! – попросила Дуня.

– Поздно, – хохотнул Свирь. – Уже девяносто тысяч просмотров. Годный контент, однако. Но я с тобой поделюсь, Дуня. Я не жадный. На вот, – он положил на стол несколько пятитысячных.

– Подождите, я должна Вас рассчитать.

– Да здесь хватит! Идемте, пацаны, а то сейчас здесь будет жарко.

Гошик впервые хохотнул, наскоро заглотил оставшиеся три вареника и залпом осушил стакан кофе. Дуня выпрямилась и выжидательно посмотрела на Свиря, но тот лишь улыбнулся и подмигнул.

Мы вышли к золотому Гелику и тут же увидели бегущую к нам толпу молодых людей. Их было человек пятнадцать. Бежали со стороны метро.

– Это мои подписчики, – ухмыльнулся Свирь.

Толпа приблизилась к нам.

– Свирь, где телка? Она внутри? Не убежала? – засыпали вопросами.

– Внутри, – махнул рукой Свирь.

Мы сели в Гелик.

– А что они сделают с Дуней? – спросил я.

– А я почему знаю? У всех разные цели, но они объединяются в вестибюле метро, как мне рассказывали, и приходят все одновременно.

– Ну чего, по домам? – поинтересовался Гошик.

– Да, на сегодня хватит, – откликнулся Свирь. – Тебя куда подвезти, Слава?

Я назвал адрес, конечно, не своего дома. Мы быстро доехали, по пути обменявшись контактами.

– Ну всё, тогда до завтра! Ждем тебя на гонки!

– Давайте, было приятно познакомиться!

Я вылез, а они уехали. Бесцельно побродив возле элитного жилого комплекса – дома моей мечты – я направился к офису. Метро было закрыто, а на такси не было денег. До настоящего своего дома на окраине города я не дошел бы и до утра, поэтому и решил вернуться в офис.

Было прохладно, но тихо и совсем бездождливо. Город был пуст, и мои шаги гулко раздавались эхом среди темно-серых каменных домов. Я шел торопливо и совершенно не замечал усталости, которая должна была навалиться на меня. Сильно не выспавшись вчера и сегодня утром, я не спал еще полночи. Но какое это имело сейчас значение? Я начинал ощущать, как переворачивается моя жизнь. Я молча шел и старался ни о чем не думать. Нужно было поутихо-

мирить эмоции и обдумать всё не на бегу.

Было начало четвертого, когда я дошел-таки до территории старого завода. Бодро прошагал по черным лужам и разбитому асфальту. Никого не было. Лишь один Солярис неизменно стоял у входа в офис. Я поглядел на него, беспомощного рыжего уродца на проколотых шинах, и понял, что назад пути нет.

«Я не исчезну, – подумал я твердо, – не убегу от своих новых друзей. Я сдержу обещание и приеду на гонки на собственном Шевроле Камаро. Пусть в новой жизни у меня совершенно нет денег, но у меня они не появятся, даже если эмоционально я вернусь в старую жизнь. Те новые люди, с которыми я встретился, не случайны. Они могут насытить меня другим мироощущением».

Я зашел в офис, продолжая убеждать себя, и налил огромный бокал кофе.

«Никакого сна! Сон – это бессмысленное, одинокое, совершенно бездейственное деяние. Как можно вообще позволять себе спать?»

Я глотнул растворимой бурды, достал лист бумаги из факса и написал: «Если передо мной встанет выбор: долгая и тухлая жизнь или немедленная, яркая смерть на пике страсти, я выберу последнее».

«Надо будет прикрепить в салоне Камаро», – подумал я. Меня вдохновила фраза в автомобиле Гошика про равнодушные к автомобилям.

Что касается моих новых друзей, то мне они пришлись по душе.

Гошик был то ли туповат, то ли просто молчаливый по характеру. Вроде он просыпался, когда темы касались автомобилей. Еще, конечно, в нем есть пацанство. Его надо постоянно подкалывать и провоцировать.

Свирь был явно не дурак. Острый ум, креативность, неординарность, юмор – всё ему свойственно.

В общем, они, конечно, ребята нескучные и их связь с немыслимыми в моей прошлой жизни действиями – уличными гонками, тюнингом и без того шикарных автомобилей, свободным исполнением своих сиюминутных желаний, – всё это сейчас будоражило меня безумно.

Я сел за компьютер и открыл сводный по всем автомобильным дилерам сайт. Что я мог себе позволить? Какой к черту Камаро? Удушающий несколько лет кредит...

«А, плевать! Вообще не буду думать о деньгах. Что будет, то будет. Итак, Камаро должен быть новым, чтобы не попасть на ремонт, поскольку на таких машинах обычно гоняют с нуля, без обкатки, уничтожая двигатель. А новый у нас продается... – я замер и сердце мое упало, – только с двухлитровым двигателем. – Для такой машины это чудовищно мало, для гонок турбина постоянно будет пахать под нагрузкой, звук выхлопа совершенно не серьезный. В общем... – я задумался и глянул еще раз в экран. Как же он шикарно выглядит. Даже в темно-сером исполнении невероятно дерзко,

круто, зло! Мне безумно нравится эта машина, – подумал я. – К ней вообще невозможно быть равнодушным. Плевать, что двигатель слабый. Пospory с Гошиком и у меня будет на первом месте внешность. В конце концов, мощность двигателя можно будет немного увеличить».

Я открыл характеристики.

– Так-так... почти шесть секунд до ста, – проговорил я вслух. – Плюс задний привод, что означает пробуксовку. А... черт с ним! Уж Мерседес Гелендеваген Гошика я обгону в поворотах... наверное.

Я открыл автомобили в наличии. Только один – тот самый, темно-серый красовался со статусом «В автосалоне».

– Три с половиной миллиона... Ой-ей-ей, какая жуть... А, плевать! Завтра же еду брать.

Глава 2

Признаться, никогда не задумывался всерьез, как можно общаться с автомобилем. Большинство скажет, что автомобиль – железа и общаться с ним – признак сумасшествия. Ничего подобного!

Итак, первый контакт необходимо установить с автомобилем в день его рождения. Имеется в виду день покупки, а не производства. Автомобиль должен почувствовать, что владелец, поливая его шампанским или водкой, любит его искренне, и тогда он ответит взаимностью. Кто бы что ни говорил, а это делать необходимо. И не нужно скупиться на дорогой односолодовый шотландский виски, если был приобретен Мерседес; на Жигули или Уазик, напротив, нужно лить только технический спирт.

Следующий способ общения – это мойка. Лучше называть это купанием. Желательно купать своего маленького железного малыша каждый день. Если нет возможности – хотя бы раз в неделю. Купание подразумевает не только внешнюю мойку с использованием шампуня, мягких валиков, щеток, тряпочек, полировального воска, но и непременно влажную протирку всех панелей и сидений внутри автомобиля. Можно использовать антибактериальные салфетки.

Периодически рекомендуется заглядывать под капот и если не мыть, поскольку это может закончиться плачевно для

электроники, то хотя бы протирать всё подкапотное пространство. Чем? Конечно, алкоголем! Автомобили любят алкоголь. Не нужно бояться сделать из своего железного питомца алкоголика. Дезинфекция и чистота превыше всего! Чистая машина едет тише, мягче и легче, радуется владельца, несомненно, больше, чем грязная. Аксиома!

Наконец, третий способ общения – это поглаживание всего, до чего можно докоснуться. Это: руль, рычаг коробки передач, приборная панель, кнопки на магнитоле или сенсорные экраны, сиденье справа, если едешь один, двери снаружи, если едешь с открытыми окнами или на кабриолете, наконец, ремень безопасности, который нежно сдавливает тебе грудь во время движения.

Всем вышеперечисленным советам, довольно банальным, скучным, а местами странным, я послушно следовал, когда купил Солярис. Поначалу. Затем перестал. И всё. Автомобиль отдалился от меня, стал чужим. Я начал его ненавидеть и ждать момента, когда он меня подставит – сломается. Но он не ломался, гад. Целых три года. И вокруг меня было огромное множество людей, которое было счастливо с Солярисом. Каждый второй таксист ездил на Солярисе, и для него это был кормилец семьи. Возможно, и мой рыжий уродец попадет, наконец, в любящие руки. Его отмоют, приласкают, назовут по-другому и будут кормить только качественной, здоровой пищей.

Сейчас мне не хотелось думать об этом, ностальгировать

и подавно, ведь я мчался по кольцевой автодороге на своей новой бестии цвета мокрый асфальт и просто ловил ртом воздух. Эмоции переполняли меня. Но спросить меня, от чего? Пожалуй, не от динамики – да, она была неплохой, но по ощущениям и звуку выхлопа совсем не то, что Гелик Гошика. И не от интерьера салона – дизайн был странноватый, качество материалов среднее – выше уровня Соляриса, но явно не семикратно, как можно было предположить по цене.

Я сошел с ума от внешнего облика Камаро. Когда я первый раз увидел его вживую, то просто не отойти от него. Камаро обладал безумной магнетической силой, способной удерживать взгляд, что бы или кто бы ни стоял рядом. Кинозвезда ли, топ-модель, любой другой автомобиль, – для меня всё меркло рядом с Камаро. Первый раз, подойдя к автомобилю, я почувствовал себя безумно недостойным даже прикоснуться к темно-серой ручке, не говоря о том, чтобы взяться за руль и завестись. Широченный, мускулистый, безумно агрессивный – он спокойно подпустил меня, дрожащую от благоговения тварь, позволил потрогать себя и даже погладить, но процесс первого обмывания я отложил на вечер. И я знал, как всё произойдет вечером. Но сначала мне предстояло привыкнуть к моей новой спутнице. Да, пожалуй, это была она, а не он. Она меня пожирала, а я тонул в ее кожаных креслах, едва прикасаясь дешевыми кроссовками к педалям.

Я решил провести с ней весь день. Через каждые пятьдесят километров я останавливался и выходил, чтобы сде-

лать фотографии. Стоило мне вылезти из тесного, ужасно непрактичного салона, и взглянуть на нее, я снова оказывался в ее безраздельной власти. Раз даже остановился на пригородном шоссе на обочине на аварийке и мне не только не бибиликали возмущенно, но и притормаживали рядом со мной и пытались на скорости что-то заснять на свой смартфон. В потоке мелькали восхищенные взгляды, пальцы, поднятые вверх. Конечно, равнодушных к этому автомобилю не было никого. Но меня это совершенно не трогало. Я готов был очутиться на безлюдных и неудобных просторах Луны, лишь бы в объятиях Камаро. Один на один со своей ненаглядной, любимой подругой, чтобы предаваться бесконечному созерцанию, фотографированию, поглаживанию и, возможно, даже облизыванию отдельных мест.

Собственно, день мой начался рано. После немереного количества кофе спал я ужасно беспокойно и всего около трех часов, скрючившись на офисных стульях. Вскочив ни свет ни заря, я, помятый и небритый, забыл обо всем. Вначале я известил своего начальника, что беру выходной на весь день. Затем вызвал эвакуатор и до приезда моих коллег в офис мы успели оттащить рыжего уродца прямо к автосалону Шевроле. Дома я наскреб немного денег плюс занял у соседки, поэтому на некоторое время должно было хватить. Съездил в магазин и купил бутылку шампанского, к сожалению, недорогого, и свечи. За это время мне одобрили кредит в банке, в чем я ничуть не сомневался. Дела у банков шли неважно

и с каждым днем всё хуже, поэтому за любого мало-мальски работающего гражданина цеплялись отчаянно, едва ли не упрасывая взять займы денег.

Оценили мне Солярис по чудовищно низкой стоимости, но я махнул на всё рукой. Всё равно возвращать никакие кредиты и займы я не собирался. Покинув автосалон, я катался и катался на Камаро по всему городу, неспешно, привыкая к ужасной обзорности – жертве шедеврального дизайна. Когда кончился бензин, я выбрал самую безлюдную заправку, но это меня не спасло от трех-четырех, неизвестно откуда взявшихся, зевак с фотокамерами. Даже кассир, едва рассчитав меня, выбежал взглянуть на удаляющегося темно-серого зверя.

Обмывать я решил один. Нужно было это сделать до встречи с новыми друзьями. Выдумывать я ничего не стал и решил устроить церемонию у офиса. Как только мои коллеги разъехались по домам, я немедленно поехал на территорию старого завода. По раздолбанному асфальту машина шла жестко, но приемлемо. Я, к слову, не замечал ничего плохого и готов был защищать Камаро до смерти, превращая любой очевидный недостаток в неоспоримое достоинство – как менеджеры в автосалонах.

У офиса было тихо и пусто. И, судя по всему, собирался дождь. Осенью такое неудивительно. Но мне мокрый асфальт был в первый день ни к чему. Что там за гонки собирались устроить новые друзья, неизвестно, но к новой машине,

новой управляемости, заднему приводу я не привык. Рисковать было страшновато, но кто не рискует, тот не пьет шампанского. А я его пить и не собирался – я его вылил на крышу и капот Камаро – белое полусладкое шампанское производства Республики Дагестан. Но рисковать я должен был. Довольно моя жизнь гнила в затхлых офисах с шумными, пыльными компьютерами и душными менеджерами-консультантами по продажам. Теперь все будут продавать мне удовольствия, которые я заслуживаю, который, по сути, каждый заслуживает, но боится себе в этом признаться.

Я зашел в офис, налил огромный бокал растворимого кофе и вышел на улицу, к Камаро. Не мог на нее насмотреться. Всё, что было вокруг нее, расплывалось в пятнах, приглушалось и теряло смысл. Поставил бокал на огромный капот. Было без пяти семь. Быстро темнело. Я вытащил из бардачка свечи и начал расставлять их по периметру крыши, багажника, капота и поджигать.

Ровно в семь показался свет фар рыжего Матиза. За рулем был курьер, но другой, не вчерашний. При виде одинокого Камаро в свечах паренек потерял рассудок. Он вылез из своей машинки и начал что-то бессвязно бормотать.

– Заказ... суши тут... это... Вам или... ошибся, не?

Я прислонился к капоту и молча смотрел на него, отхлебывая из бокала.

«Презренный раб, – бросились мне мысли. – Ведь мы с ним равны. У него даже, вероятно, больше денег, чем у ме-

ня сейчас. Но почему-то я чувствую себя превосходно, покончив со своим проклятым рабским прошлым, а он сознательно убивает свою молодость, о чем пожалеет несчастным в старости».

– Так это... вроде по адресу... не?

– Вываливай сюда, меж свечей, – я указал на огромный капот.

Паренек настолько застеснялся Камаро, что, суетливо доставая заказ из сумки, выронил его в раскисшую грязь. Чертыхнулся, извинился, поднял, вымазав руки, распаковал, вытащил контейнер и бережно поставил на капот. Я понимал его смущение рядом с Шевроле – еще утром я сам оказался в такой же ситуации.

– Соус унаги здесь? – строго спросил я.

– Конечно! Он в пакете. – Пауза. – У Вас заказ оплачен, я вижу.

– Прокатиться хочешь? – кивнул я на темно-серого зверя.

– Я... – у курьера задрожал голос. – Н-н-нет. Я... пойду... в смысле... поеду.

– Садись, – просто сказал я и подпихнул его к водительской двери.

– Н-н-нет! Я не могу. У меня работа!

– Что ты несешь? Ты можешь изменить свою душную жизнь, ты загорись мечтой, ты проснешься и не будешь спать ни днем, ни ночью в этом сером, вечно дождливом городе. Ты бросишь свою поганую работу.

– Нет!

– Верить или нет, а еще сегодня утром я был хозяином рыжего Соляриса.

– Вы разыгрываете меня. Это пранк, да?

– Что ты несешь? Садись и езжай!

– Мне рассказал... – истерично завизжал курьер, – мой коллега, который вчера был здесь, какой Вы странный. Или Вы – провокатор! Вы хотите, чтобы нас уволили!

– Да, черт возьми! Чтоб тебя уволили с твоей нелюбимой, ненавистной работы! Я предлагаю тебе изменить всю жизнь. Начни с малого – просто осмелюсь прикоснуться к прекрасному автомобилю. Не отворачивайся от лучшего в этой жизни. Просто представь, что ты достоин своей мечты: огромного, роскошного дома, мощного автомобиля, ролл с крабами и лососем на завтрак, обед и ужин...

Он вывернулся из-под моей руки и кинулся к рыжему Матизу.

– Никогда! Никогда я больше к Вам не приеду! Можете писать жалобу! Пусть меня уволят, но только чтобы не приезжать к Вам никогда!

– Задел за живое, да? – грустно улыбнулся я. – Ладно, езжай. – Я махнул ему рукой и отвернулся к роллам.

Он завел мотор, но затем заглушил. Я с удивлением обернулся. Курьер медленно брел ко мне, задумчиво опустив голову.

– Я был прав? – спросил я.

Он молча кивнул. Я предложил кофе. Он согласился и молча проследовал за мной в офис. Он удивился скудной обстановке и спросил:

– Так Вы... обычный человек?

– Ну да, – я усмехнулся. – Давай на ты. Я – Слава.

– Вадим, – представился курьер.

Налив Вадиму стакан растворимой бурды, я предложил снова выйти на улицу. Увидев Камаро, он опять заволновался, но уже меньше, чем в первый раз.

– Так что у тебя за тайная мечта?

Начинал накрапывать противный холодный дождь.

– Есть роллы с крабом на утро, обед и вечер. Вы попали в точку.

То ли из предосторожности, то ли из-за волнения, он продолжал выкать.

– Давай есть! – предложил я и открыл контейнер.

Вадим взял ролл, обмакнул в соус и проглотил целиком. Он застонал и завыл, а затем, к моему изумлению, заплакал.

– Я второй раз в жизни ем суши... вернее, роллы из своего ресторана, – всхлипнул он. – Это лучшее, что случилось в моей жизни.

Я обомлел и не знал, что сказать.

Долго собиравшийся дождь, наконец, решился пойти. Холодные капли быстро загасили одну за другой свечи. Подул северный ветер, и я поежился, одетый в модную кожаную куртку. Курьер стоял, не замечая ничего, и восторженно же-

вал, закрыв глаза.

Зазвонил смартфон. Это был Свирь.

– Салют, бро! Все готовы к гонкам! Ты где?

– Я тоже готов. Я рядом с центром.

– Отлично! Подкатывай к Тихому мосту. Давай быстрее.

– Еду. Без меня не начинать!

Я положил трубку.

– Вадим, мне надо ехать.

Курьер взглянул на меня горестно и немного обиженно.

– Слушай, давай телефон твой запишу, – предложил я. –

Еще как-нибудь встретимся, поедим ролл.

– Не надо, – испуганно махнул он. Он отшатнулся от меня и быстро зашагал к своей рыжей букашке. Сел, завелся и рванул с места. Секунд через десять наступила тишина, нарушаемая ровно шуршащим дождем.

– Неужели до конца его мечта не осуществится? – спросил я дождь. – Пройдет десять, двадцать лет, а через пятьдесят всё в том же прискорбном, неудовлетворенном, обиженном ощущении бесконечной несправедливости в один день незаметно для всех этот бедняга отойдет в мир иной? – Дождь угрюмо промолчал и не ответил.

Аппетит у меня пропал. Я кинул роллы на заднее сиденье Камаро, завел двигатель и медленно отъехал с территории старого завода. Внутри меня снова всё заклокотало. От восторга. Машина ехала великолепно.

Через пятнадцать минут я добрался до Тихого моста и

сразу увидел кучку дорогущих автомобилей. Я направился к ним – на площадку у основания моста. Едва я только приблизился к ним, они одновременно рванули с места и помчались от моста вглубь центра города.

Я крутанул руль и резко нажал на газ – Камаро с заносом развернулся. Я пустился в погоню.

Было восемь вечера, почти стемнело и движение в центре значительно уменьшилось. Дороги были полупустые. Тем не менее, трафик присутствовал и испуганно замирал, когда мы проносились мимо. На красный свет, звуковые сигналы, отпрыгивающих в ужасе и ругающихся вслед пешеходов мои новые друзья не обращали внимания. Мы летели через исторический центр к западной части города. Я не очень хорошо знал ту местность, однако, насколько помнил, СМИ часто освещали события, происходящие там – всегда что-то шумное и не всегда законное. Видимо, мои друзья часто там бывали, в отличие от меня, и, вероятно, не раз были зачинщиками беспредела. К моему счастью, ехали они все же не экстремально быстро – Камаро не заносило. Причиной был Гелик Гошика – неповоротливый «квадратный ящик», сбавляющий до нуля скорость в поворотах, поскольку все остальные автомобили могли ехать значительно проворнее.

Вывернув на очередную улочку на красный свет, я заметил полицейскую машину. Она поворачивала на мою улицу, и заметили полицейские, вероятно, только меня – последнего. Я тут же нажал тормоз в пол. На мокром асфальте Камаро

чуть снесло вбок. Меня, разумеется, остановили.

– Почему проехали на красный свет? – спросил усатый полицейский, неторопливо полистав мои документы.

– Пусто, никого не было. Проскочил на мигающий желтый.

– Нет, там был красный. А это – запрещающий сигнал светофора, – объявил он мне.

– Ну, больше не буду, – скромно пожал плечами я.

– Садитесь в машину, составим протокол.

Через десять минут, получив квитанцию штрафа, я вернулся за руль. Набрал номер Свиря.

– Вы где там?

– Че, замели тебя?

– Откупился, – небрежно соврал я.

– Мы подъезжаем к ресторану «Ночной гость». Знаешь, где это?

– Знаю, – опять соврал я. – Еду.

Я набрал в навигаторе название заведения. Оно было в двух километрах от меня. Я полистал отзывы. В каждом мелькали слова: «Цены – космос», «Запредельно неподъемно», «Умопомрачительно дорого».

– Так-так. Ищем средний чек. Вот... три с половиной тысячи рублей. Чтобы вас... Ну почему так дорого?!

Я доехал до ресторана по правилам дорожного движения и припарковался рядом с пятью шикарными автомобилями.

– Надо бы их сфотографировать на всякий случай, – про-

мелькнула у меня мысль, и я достал смартфон.

Перед тем как выйти из машины, я вспомнил об одном дельце и достал нож – тот самый, для масла, которым я хотел обороняться от Гошика и Свирия. Нагнулся вперед и начал яростно резать джинсы ниже колена. Поначалу не получалось, но успех не заставил себя долго ждать. Я порвал джинсы и почувствовал себя значительно увереннее. С небрежной легкостью вылез из тесного и низкого Камаро, прошел в заведение.

«Ночной гость» встретил полутьмой в холле. Охранник на входе напомнил мне полицейского – столь же важно и неторопливо он выполнял свою работу – по ощупыванию посетителя. А затем... неизвестные люди в костюмах официантов отобрали мой смартфон и медленно повели меня в полной темноте куда-то.

– У Вас что, электричество вырубил?

– Нет. У нас ресторан подразумевает прием пищи в темноте. Вы разве не в курсе?

– Нет. А что это значит?

– В прямом смысле, Вы садитесь за столик в крошечной темноте, наощупь выбираете блюдо и начинаете есть. Чрезвычайно сильно обостряются слух, обоняние, осязание.

– И я никого не вижу? – уточнил я.

– Даже себя не видите, – подтвердил официант.

Медленно и осторожно шагая, мы шли на шум голосов, мужских и женских. Ни единого лучика света не проникало

сюда. Я силился что-то увидеть, но официант, словно прочитав мои мысли, произнес:

– Не пытайтесь что-либо разглядеть. Это бесполезно.

Наконец, женское хихиканье и громкий голос Свирия раздались прямо передо мной.

– Уважаемые гости! – объявил официант, – к вам присоединяется молодой человек по имени Слава.

– Привет! – сказал я и несколько рук немедленно втиснули меня, как я сумел почувствовать, между женским телом и столом. Я со всего размаху бухнулся на что-то мягкое, по ощущениям – диванчик.

– Слава, здорово! – громко поприветствовали меня Гошик и Свирия. Их голоса я различил где-то впереди себя.

– Так вот ты какой, – проворковал томный женский голос слева.

Все засмеялись. Я быстро расслабился и решил быть веселым и развязанным.

– Я не такой, как все, – ответил я и снова взрыв хохота накрыл стол.

– Сейчас мы тебя так откормим, что не вылезешь из-за стола, – раздался женский голос справа, чуть с хрипотцой.

– Из ваших рук готов принять любой силы яд, – нараспев произнес я, подняв голову вверх.

– Ого! – громко закричала девушка слева. Та, что справа, молча положила мне руку на бедро. Я обалдел.

– Свирия! Гошик! Представьте нас друг другу, пока я еще

живой!

– Нее... – протянул Свирь. – Пройдешь пытку едой, тогда и познакомимся.

– Может, я легавый, который вычислил ваши тачки и теперь втираюсь в доверие.

– Ха-ха! – неожиданно раздался смех Гошика. – Тогда тебе придется напоить!

– Наливай ему, Роза, – проговорила девушка справа. Она так и не убрала руку.

– Ага! Вот и проговорились, конспираторы! Роза, – повернулся я налево, – наливай, я всё скажу!

– Как скажешь, – ласково промурлыкала Роза. Судя по звуку, она схватила тяжелую бутылку и тут же прохладное горлышко начало путешествовать по моему лицу в поисках рта.

– Открой рот! – наигранно строго взвизгнула Роза.

Я повиновался.

Сладкое, прохладное шампанское потекло мне в горло. Где-то после десяти глотков мне захотелось остановиться. Пузырьки газа начали жечь рот и нос. Я стал игриво вырываться и мычать. Тогда девушка справа ошупала меня и крепко схватила за голову. Но мне удалось вырваться и сделать несколько судорожных вдохов. Роза продолжила лить шампанское, но теперь уже мне на джинсы. Через дыры, которые я сознательно сделал двадцать минут назад, напиток просочился и потек по моим ногам напрямиком в кроссовки.

– Ааа! Куда льешь? У меня уже трусы мокрые от твоего шампанского! – крикнул я. Все дико захохотали. Особенно было слышно Свирия.

– А я вообще трусики не ношу, – прошептала мне на ухо девушка справа.

«Что за безумие с самого начала, – подумал я. – Ну, надо соответствовать...»

– Сказала же, открой рот! – капризно потребовала Роза.

– Глаза можешь не закрывать, – хихикнула девушка справа.

И снова около дюжины глотков пришлось совершить мне.

– Заесть! Заесть чем-нибудь! – крикнул я, задыхаясь.

– Да дайте ему еды, – спокойно прозвучал незнакомый мне мужской голос.

– Кто здесь? – громко спросил я.

Откуда-то спереди в меня прилетел небольшой кусок чего-то сильно пахнущего.

– Кто в меня кинул скумбрией? – возопил я.

– Это палтус, бро, – хохотнул Свирия.

– Щас мы вам ответку кинем, – угрожающе проговорил я. – Да, девочки? – повертел я головой.

– Разделаемся с ними только после того, как прикончишь бутылку, дорогой, – строго проговорила Роза. И снова попыталась нащупать горлышком мой рот. Но попала в ухо и быстро наклонила бутылку. Пенистый напиток потек мне в левое ухо.

– Это не мой рот! – крикнул я, задыхаясь, впрочем, от смеха.

– И не мой тоже, – засмеялась Роза.

– А мой – вот! – жарко прошептала девушка справа и лизнула мне мочку уха.

«Вот так вечерок!» – подумал я.

– Ребята, а видели приколы в Интернете? – громко произнес Гошик.

– Его прямо не узнать, – подумал я. – Гошик неожиданно стал раскованным и компанейским.

– Там две минуты всего. Мужик стоит у люка открытого и потихоньку льет туда пиво из бутылки. Не проходит и полминуты, как к колодцу подбегают несколько человек и не глядя прыгают вниз.

– Ха-ха-ха, – нетрезво засмеялся молодой человек – тот, со спокойным голосом, который предлагал меня накормить.

Свирь наигранным тоном, словно из вежливости, уточнил:

– А чем заканчивается?

Гошик продолжил:

– Ну этот мужик кричит в люк, мол, мужики, а зачем вы туда попрыгали? А ему кричат снизу, мол, какой-то идиот пиво льет сверху. Совершенно бесплатно. Ну этот мужик им и отвечает, мол, подождите меня, и прыгнул сам.

– Хха-хха-ххаааа, – всё тот же мужской хохот оглушительно разнесся по ресторану.

Роза вежливо хихикнула, а девушка справа перестала лизать мне ухо и проговорила:

– Изислан! У нас осталось вино?

– Ага! Еще один раскололся! – воскликнул я. А про себя подумал: «Изислан... Что это вообще такое? Прозвище, настоящее имя, сокращение от фамилии?»

Сбоку откуда ни возьмись раздался голос официанта:

– У Вас осталось белое сухое французское, красное полусухое чилийское и итальянское игристое. Что пожелаете попробовать?

– А Вы-то откуда знаете? У Вас что, кошачье зрение? – хохотнула Роза.

– А я определяю вина по запахам, – весело отозвался официант.

– Бре-е-ед! – выдохнула девушка справа. – У нас тут потом воняет. Я вся мокрая, например. Молодой человек слева такой жа-а-аркий...

Роза слева прыснула. Расхохотались все остальные.

– Короче, официант, мне все равно. Лей всё подряд, – голос девушки справа неожиданно зазвучал окосело.

– Как будет угодно. – В неожиданной тишине раздался плеск наполняемого бокала.

– Официант, музыку-то включи какую-нибудь, – весело возмутился Гошик.

– Будет сделано!

– А мы тут одни что ли?

– Пока да.

– Кто придет, приводи сюда, – скомандовал окосевшим голосом Изислан.

– Разумеется.

Через несколько секунд тихо и мощно зазвучал расслабляющий лаундж.

– Ну! Надо за знакомство теперь выпить.

– Мне бы поесть, – хохотнул я. В голове моей начинало шуметь.

– Ща всё будет, Славик, – просипел Гошик. – Не переживай.

Что-то сильно громыхнуло. Девушки взвизгнули.

– Ой, пардон, – крикнул Свирь. – Блин, что-то горячее упало мне пониже живота. Жжет!

Девушки залились веселым смехом.

– Изислан, у тебя должны быть салфетки.

– Почему у меня? Откуда ты знаешь?

– У кого-то они должны быть!

– Свирь, зажигалка есть? – прохрипел Гошик.

– Откуда? – хрюкнул Свирь. – На входе всё отобрали. Всё, что может дать свет. Типа, концепцию ресторана в темноте нельзя разрушать.

– А давайте высекать искру! – предложил Гошик. – Что у нас есть?

Кто-то снова ужасно громко ударился об стол. Девушки весело ойкнули.

Я не мог понять, то ли мужская половина втихую пила, то ли все кривлялись. Мужские голоса становились все развязнее и пьянее, буквально с каждой минутой.

– Камень об камень! Нету... Железо об железо! Нету... Дерево об дерево! Вот! – проревел Гошик.

– Подожди, – остановил его Свирь. – Щас выпьем и найдем дерево.

– Давай! – поддержал Изислан.

Невесть откуда у меня в руках оказалась бутылка, на ощупь напоминающая винную.

– У всех налито? – громко спросил Свирь с той стороны. Его голос казался мне каким-то отдаленным и расплывчатым.

– Да! – крикнула с моей стороны Роза.

– Чокаемся!

Мы попротягивали руки вперед. Я осторожно протянул бутылку, но что-то, стоящее на столе, задел, и оно вдребезги разбилось. Бутылка вроде бы осталась целой.

– Ха-ха-ха! Пошла движуха! – крикнул Свирь.

Раздался долгожданный перезвон, и мы вернулись на свои места.

– На брудершафт, – шепнули мне справа.

– Ну давай, – тихо ответил я ей на ухо, нащупав его левой рукой.

Мы выпили. И затем она неожиданно прижалась своими губами к моим. От нее ужасно несло алкоголем, и явно не

только лишь вином.

Я опешил.

– Я тебя даже в глаза не видел.

– И не знаешь, как меня зовут.

– А ты хоть симпатичная?

– Какая тебе разница!

– Впрочем, да. – И я откликнулся со страстью на ее объятия.

– Эй, вы чего там затихли? – толкнула меня в бок Роза.

– Мне вытирают вино со штанов, – объяснил я, оторвавшись от губ незнакомой мне девушки. Вранье никогда не давалось мне столь легко, как последние пару дней.

– Опять пролил? – хихикнула Роза.

– Значит, – громко и занудно проскрипел Гошик, – нужна древесина. Буду ломать стол.

– Э-э-э! – запротестовал Свирь. – Давай хоть вискарь уберем.

– Быстрей, я курить хочу! Нужен огонь! – в голосе Гошика послышалась недовольство и тревога.

– Изислан, у тебя там бутылка! – проговорил Свирь.

– Опять я? Че всё на меня валите? – недовольно отозвался Изислан.

– Ты у нас самый сильный, – хохотнул Свирь.

– Так сила не в бицепсе, брат, – отчего-то с кавказским акцентом проговорил Изислан. – А в административном ресурсе.

– Ого! – удивленно загудели девушки. – Это что вообще такое?

– Давай, позвони в свой высокий кабинет, попроси, чтобы принесли сюда курево.

– Не могу, брат, – шмыгнул носом Изислан. – Телефон отняли.

Все грохнули со смеху.

– Так ты без звонка наверх даже закурить не можешь? – захлебываясь от хохота, прокричал Свирь.

Раздался оглушительный треск ломаемой мебели. Стол уехал у меня из-под рук куда-то вниз.

– Блин, Гошик, ты что ли? – прохрипел Изислан.

– Ну курить-то надо! – озверело отозвался Гошик. – Ща будем огонь добывать.

Откуда ни возьмись, мы услышали сухой и недовольный голос официанта:

– Проблемы?

– Да, блин, достала эта темнота, – с вызовом ответил Гошик. – Че за херня, даже зажигалку отняли. Мы че, как пещерные люди должны огонь добывать? – Раздались монотонные удары двух деревяшек друг о друга.

– Таковы правила ресторана, – жестко проговорил официант. – Не ломайте, пожалуйста, мебель.

– Она уже сломана, официант! – озабоченно прохрипел Гошик.

– Да сваливаем просто отсюда! Дыра какая-то, – капризно

и громко проговорила Роза.

– Изислан! – раздался голос Свирия. – Блин, он заснул вроде. Гошик, кончай давай, валим.

– Нифига. Я закончу начатое, – окосело гавкнул Гошик.

– Ща Изислана разбуджу, он тебя выволочет, – иронично проговорил Свирия.

– Пусть попробует меня нащупать, – гаркнул и захохотал Гошик откуда-то с пола. – Ладно, пофиг, идемте, – неожиданно согласился он и поднялся.

– Вставайте один за другим и кладите руки на плечи впереди идущему, – быстро проговорил официант.

– Че? Вообще ничего не понятно. Чего кому класть? – пьяным тоном прокричала моя прекрасная незнакомка справа.

В общем, с горем пополам мы вышли из ресторана. Недовольному официанту Гошик сунул пачку купюр и тот немедленно отстал от нас. Свирия пошел в уборную.

Едва мы оказались на улице, я принялся рассматривать моих новых друзей. Изислан, с трудом разбуженный Свирием, оказался высоким молодым человеком очень крепкого телосложения, лысый, с небольшой бородкой, с кавказскими чертами лица, сильно красного сейчас, к слову сказать. Видимо, он выпил больше остальных.

Роза была невысокой блондинкой, очень худой, с плоской фигурой, насмешливыми глазами и ярко-накрашенным ртом. Она показалась мне милой.

Наконец, моя соседка по диванчику справа была средне-

го роста стройной, пышногрудой брюнеткой с цепким, даже чуть хищным взглядом. Я посмотрел ей прямо в глаза. Она лукаво улыбнулась и подмигнула.

– Мира! – она неожиданно протянула руку. Я пожал и улыбнулся в ответ.

Вернулся Свирь и радостно потряс перед нашими лицами флешкой.

– Готово! Запись с видеокамеры наших посиделок!

– Так там же темно! – возразила Мира.

– У них инфракрасные камеры, всё видят в темноте. Щас отправлю монтажера.

Я заметил, что Мира нахмурилась, но затем махнула рукой.

– Поехали все в бар! – крикнул Гошик.

– Давайте, на чем едем?

– А кто на чем вообще ездит? – спросил я, взглянув на шикарные припаркованные автомобили.

– Я на ЭсВэЭре, – первым откликнулся Свирь, указав на ярко синий Рендж Ровер Спорт. – Заряженная версия, пятилитровый, компрессорный зверь.

– Я на ЭрЭс семь, – произнесла Роза, качнув светлой головкой в сторону хэтчбека Ауди на огромных дисках. – Эксклюзивный бордовый цвет.

– Ягуар Эф-Тайп, – ошалело произнес едва стоящий на ногах Изислан.

– У него самый громкий и зверский выхлоп на планете, –

усмехнулся Свирь, указывая на низкое голубое купе.

– Икс шесть Эм, – махнула рукой Мира на хищный кроссовер БМВ, ослепительно белый в лучах уличного фонаря.

– Ну и я на золотом Гелике, – усмехнулся Гошик.

– Предлагаю поехать на машинке нашего нового френда, – громко произнес Свирь и указал на меня.

– Я за! – быстро согласилась Мира.

– И я! – поддержала Роза.

– Все на одной? – усмехнулся я.

– А че, весело! – рассудил Гошик.

– Ну, садитесь, – пригласил я, открыв дверь. – Решайте, кто назад полезет.

– Ха-ха-ха! Это че, так мало места сзади?

Все начали дико хохотать, толкаться и шутливо капризничать.

Крохотные задние сиденья Камаро были предназначены для детей дошкольного возраста. Более взрослые персонажи полноценно не помещались ни по высоте, ни по ногам. Однако назад хотели сесть все.

В итоге, жребий определил, что полезут на галерку Гошик и Изислан, а поперек на их колени ляжет Роза. Свиря, как наиболее трезвого, я попросил вести Камаро. Сам же я сел на пассажирское сиденье. В голове у меня по-прежнему сильно шумело. Мира легла поперек водителя и пассажира. Мы подстелили ей свои куртки. Мне достались ее ноги, Свирю – голова и грудь.

– Блин, кто тут суши подложил?! – вскричали сзади.
Все захохотали.

Бодро тронулись. Я почему-то не сомневался, что Кама-ро опять остановит полиция. Видимо, эта машина была центром всеобщего внимания. И гаишники могли тормозить ее просто из любопытства.

Когда полицейский, ласково улыбнувшись, махнул палкой, я замер от ужаса. Машина дымилась изнутри сигаретным дымом, а от паров алкоголя, исходящих от нас, можно было сойти с ума.

Одна мысль меня радовала, эгоистичная и мерзкая, что за рулем не я, а Свирь, который как-нибудь выкрутится. У него и деньги, и известность...

Блюстителю порядка представился, и Свирь быстро вышел из машины, отведя его в сторону. О чем они говорили, я не знаю, но когда Свирь вернулся, он весело произнес:

– Всё, едем!

– Как ты отмазался? – недоуменно спросил я.

– Я сказал правду.

– Какую?

– Я пил, господин полицейский, и готов понести наказание. Он сказал, что очень хорошо, что я признался. Я сказал, что заглушу мотор и вернусь.

– Так тебя сейчас арестуют? – захохотала Мира, снова положив ему голову на колени.

– Я предложил ему взять машину в качестве залога, и он

отказался.

– Честный полицейский, – кивнул я.

– Но затем он согласился.

Я встрепенулся и потряс головой.

– Так ее сейчас заберу-у-ут?! – взревел я.

– Если догонят.

Мы медленно тронулись и плавно покатали. За нами никто не гнался. Свирь разогнался до положенных шестидесяти и не ускорялся больше.

– Жалко, что за нами не гонятся, – вздохнула Роза с заднего сиденья. – Я так соскучилась по пого-о-оням.

– Ага, я тоже, – согласилась Мира. Лежа на спине, она задрала левую ножку на приборную панель, а вторую положила мне на плечо. К счастью или, к сожалению, Мира была в джинсах. Я даже не мог понять, радоваться мне, восхищаться или стыдиться этой безумной девушки. Мысли плавали в моем мозгу неспешно и единственное, что я сумел вспомнить – то, что Мира говорила про свое нижнее белье.

– Свирь! – окликнул я водителя. – Так ты разъяснишь, что было? Почему мы едем?

– Мы всегда должны двигаться вперед, бро! – усмехнулся Свирь.

– Тебя не задержали?

– Слава, не занудствуй и ничему не удивляйся. Научись быть в потоке событий, тут же их забывать и творить что-то новое. Ни к чему бесконечно выяснять причины произошед-

шего в прошлом. Верти в голове только настоящее и ближайшее будущее. У меня десять миллионов подписчиков только потому, что мне некогда думать о прошлом.

Он говорил безупречно чисто и складно, абсолютно трезвым голосом. Мне даже стало стыдно за то, что я по-прежнему блеял и заикался. Я с ужасом начал понимать, что под теплым обдувом климат-контроля я опьянел еще больше. Сзади раздался храп.

– Изислан! – ухмыльнулся Свирь. – Он качается постоянно, жрет белок и ему надо много спать. Гошик, ты там че делаешь? – крикнул он, быстро глянув назад. Я тоже повернулся и увидел Гошика, обнимающегося с Розой.

– Отвалите, – весело отозвался Гошик. – У вас там своя жизнь впереди, у нас своя.

– Мы тоже не будем отставать, – промурлыкала Мира, и я увидел, как она приподняла свитер Свирия вверх, пытаясь его снять.

– Блин, Мира, прошлый раз чуть не врезались, – игриво проворчал Свирь.

– Ну ты просто ехал сто семьдесят, – хохотнула Мира. Она начала лизать языком плоский живот худого Свирия.

Я закрыл глаза и тут почувствовал чью-то ногу, скользящую мне по лицу.

– Ох уж эта Мира, – вздохнул я и открыл глаза. Но это была мужская нога, протянутая с заднего сиденья.

– Блин, ну че это такое! Кто это? – вскричал я, пытаясь

сбросить ногу, но она прочно устроилась на моем левом плече, тяжелая и мощная.

Мира, взглянув на меня, кинулась хохотать и нечаянно сильно укусила Свирия за пресс.

– А-а-а! – заорал водитель и крутнул руль вбок. Камаро заскользил, и Свирия нажал тормоз в пол. Нас развернуло на месте. Всё неожиданно замерло и стихло. Улица была пустой и темной. Фонарь виднелся вдалеке, а окна старых домов слева и справа не освещались. Это был край города, промышленный квартал, по ночам совершенно безлюдный. Здания вокруг нас, промышленные и почерневшие от копоти цеха, закрытые уже десятилетие, расселенные аварийные общежития и коммуналки, заколоченные двери старой почты, продуктового магазинчика, парикмахерской – всё это смотрело на нас с какой-то неприязнью, враждебно, сухо.

В воздухе неожиданно запахло смертельной тоской. Все молчали. Приборная панель Камаро светилась, и я повернулся, чтобы взглянуть на друзей. На лице Свирия я с изумлением разглядел ужас. Он смотрел невидящим взором прямо перед собой и что-то шептал. Мира с грустью глядела на него. Гошик сзади громко сопел, а Роза уткнулась ему лицом в грудь. Изислан по-прежнему сидел с закрытыми глазами, поджав одну ногу под себя, другую – протянув мне.

Наконец, Мира приподняла голову и обратилась ко мне:
– Если ты завтра с утра занят, работа или еще чего, лучше оставь нас здесь. Возьми такси и езжай домой.

– Что-о-о?! – не поверил я своим ушам. – Что случилось?

– У Свирия бывает такое, – серьезно ответила мне Мира. –

Он как видит что-то, подобное этой улице, сразу впадает в странное состояние, уходит в себя, в прошлое, и чтобы вернуться, ему надо несколько часов.

– И... часто такое бывает? – спросил я осторожно.

– Нет, но ему нельзя бывать в таких местах. Когда он видит, что жизнь вокруг него останавливается, как на этой улице, его жизнь, будто, останавливается тоже.

– Верти в голове только настоящее и ближайшее будущее, – вспомнил я и процитировал Свирия.

– Вот именно.

– А с остальными что? – Я указал на заднее сиденье.

– Изислан спит беспробудно, да и остальные тоже, думаю.

– Может, разбудить? Разъехались бы по домам?

– Ну а кто за руль сядет? Все пьяные, кроме Вити.

– Кроме кого?!

– Свиерь, – Мира печально улыбнулась. – Его Витей зовут.

Так ты занят завтра?

– Ну да... мне... по работе надо съездить, – промямлил я.

– Тогда вызывай такси и не трать время. Машину завтра тебе вернем. Номер мой запиши.

Она продиктовала, и я внес ее в контакты.

– Тогда мой адрес запиши, на всякий случай, – сказал я и продиктовал адрес моего ненастоящего дома. – Да, и еще. У тебя будет на такси? А то у меня деньги на карточке, –

соврал я.

– Да, – она ответила с некоторой нежностью в голосе. Достала из сумки несколько купюр и, не глянув, сунула мне.

– Спасибо, – сказал я.

– До завтра, – ответила она. – Ты очень классный.

Глава 3

Бытует мнение, что американцы неуправляемы, а вот европейцы, напротив, послушны. Я имею в виду автомобили, конечно. Мне сравнивать не с чем. Я подкован лишь теоретически, обчитавшись сравнительных автомобильных тестов. Хотя иногда мне снятся любимые автомобили, и их управляемость я чувствую во сне кончиками пальцев. Просыпаюсь и наслаждаюсь послевкусием полдня, пока не придет горькое осознание того, что я нищ и не могу стать владельцем вожделенного железного коня.

В Камаро – чистокровном американце – мне нравилось почти всё. И даже управляемость, несмотря на слабые оценки многих критиков. Пока я не был столь притязательным и искушенным, чтобы ворчать и выдумывать минусы. Мне сильно запомнилась фраза Свирия насчет того, о чем лучше всего думать. Я даже усовершенствовал эту фразу и решил ее повесить второй табличкой в машину. «Думать имеет смысл только о настоящем и ближайшем будущем, ибо размышлять о прошлом – пустая трата жизни».

Сегодня наступил второй день обладания Камаро, о чем я никому не говорил. Насколько это было возможно, я скрывал его от своих коллег. Я осознавал, что долго не смогу держаться на займах, кредитах, перехватах. Но было все равно. Чтобы сэкономить деньги Миры на такси, вчера я решил

дойти до дома пешком. На дорогу ушло четыре с половиной часа. Я полностью выбился из сил, пройдя почти двадцать километров. Но я не сожалел. В пути я не только полностью протрезвел, но и понял другую вещь. Мне захотелось прожить свою молодость молниеносно, но так, чтобы помнить потом каждый день. Деньги всегда у обычной, не элитной молодежи являются сковывающим фактором. Но для меня теперь этой проблемы более не существовало. Деньги я занимал у окружающих и тут же, исходя из философии Свиря, момент занятия денег становился прошлым, о котором я не собирался думать. Я буду думать только о сегодняшнем дне и о ближайшем будущем.

Я вышел на работу, ужасно не выспавшись. Столь чудовищной была моя усталость, что коллеги поинтересовались, не заболел ли я. А спал я три часа. Около шести утра пришло смс от Миры. Она известила, что мой Камаро припаркован у моего дома. Я немедленно вскочил и отправился к элитному жилому комплексу в центре города – к моему якобы дому. Ехал на одном из первых метро. Людей было много. Все хмурые, заспанные и злые. А я, несмотря на сверхкороткий сон, чувствовал невероятное воодушевление. Жизненная энергия так переполняла меня, что сердце билось, как мне казалось, быстрее, чем у кого-либо в вагоне метро. На улице я побежал к своему Камаро и по пути споткнулся обо что-то, упал и порвал себе джинсы. Теперь я этому совсем не расстроился. Классические новые джинсы, которые я одел на

работу, стали моднее. Я чувствовал, что колено наполняется горячей кровью, но не останавливался, пока не добежал до своего Шевроле.

Он был аккуратно припаркован у тротуара и, черт возьми, я не мог отвести от него взгляд. В лучах утреннего солнца он быстро начал сводить меня с ума. Темно-серый зверь вгрызался в меня своими хищными фарами, и я не смог устоять. Подошел, медленно достал запасной ключ, открыл дверь, сел в салон и завел двигатель.

Я почувствовал невероятное облегчение, будто проснулся после ночного кошмара в уютной постели у себя дома. Я снова властвовал над Камаро. Я вспомнил, что Камаро – это она, а не он. И вот она ответила мне взаимностью. Она ехала великолепно. Вчерашний пьяный туман развеялся, и я снова мог ее чувствовать. Я медленно поехал в сторону офиса, размышляя.

«Почему вчера получилось всё так странно? Кто есть Свирь в глубине души своей? Неужели, малейшие столкновения его жизненной философии постоянного движения с реальной жизнью, бедной и скучной, вызывают такие психологические травмы? Кто есть Свирь? Вечный беглец от одиночества к социуму, от спокойствия и стабильности к хаосу и прогрессу? А эти сумасшедшие девочки... О чем думают они, проснувшись с утра? Неужели, только о ночных развлечениях?»

Пучина вопросов начинала поглощать меня, и я упрекнул

себя в том, что снова вернулся мыслями к бессмысленному прошлому.

«Скоро, возможно, сегодня вечером будут даны все ответы, а пока нужно думать о том, как ускорить ненавистный рабочий день».

Доехав до территории старого завода, я припарковался на прилегающей улице, вылез, глянул напоследок на Камаро и направился на задний двор старого здания. Дорога к офису была пустой, грязной и одинокой. На маленьком кривом козырьке над входной дверью в офис сидел пухлый, нахохлившийся голубь. Он внимательно посмотрел на меня и взгляд мне сильно не понравился – сердитый, неодобрительный, злой.

– Да пошел ты! – крикнул я ему вверх. – Будешь еще на меня коситься! Давай, лети, у тебя своя дорога, у меня своя.

Настроение резко испортилось.

– Еще будет указывать, прав я или нет, – бурчал я, наливая растворимый кофе. Я не сомневался, что голубь откуда-то был послан облагоразить меня. Я верил в некоторые приметы, иногда они сбывались.

– Не выйдет у тебя меня переубедить, заставить полюбить вот это дерьмо! – крикнул я в душный офисный воздух и громыхнул полупустой банкой с засохшим вареньем. – Не, надо увольняться. Дотяну до ближайшей зарплаты и свалю нахер!

«Камаро забрал. До вечера!» – написал я смс Мире.

«Ты чего так рано? Разбудил. ОК!» – пришел ответ.

Мое настроение чуть приподнялось.

– Дотянуть бы скорее до вечера, – нетерпеливо подумал я.

Через час начали приходиться мои коллеги: два молодых человека и три девушки. Позже всех пришел начальник – пятидесятилетний грузный мужик с рыжими волосенками и бородачкой. Заметив меня, он приободрился и с улыбкой произнес:

– Вячеслав, сегодня предлагаю тебе поработать допоздна.

Так сказать, покрыть вчерашний отгул.

– Не получится, – нахмурился я. – У меня личная трагедия.

Улыбка сошла с лица начальника.

– Что-то случилось в семье?

– Нет, я сам на грани самоубийства.

– Что ты говоришь такое?! – вскричал начальник.

Я с трудом сдерживал иронию в голосе.

– Это... серьезно?

– Да, абсолютно. – Я отвечал тихо, цедя сквозь зубы, и не поднимал головы.

– Ммм... чем-то могу помочь? Коллеги в курсе?

– Нет, спасибо, ничего не нужно. Никто не в курсе.

– Ну, смотри, если сможешь, задержись на час после работы, таблицу нужно итоговую составить. Я оставлю тебе в помощницы Аню, чтобы ты не грустил. Ну ты давай... приободришься. – Он хлопнул меня по спине и ушел, несколько

сконфуженный.

До вечера я ни с кем не разговаривал, делал работу машинально и ждал, пока все уйдут. Наконец, время пришло.

– Здорово! Ну как, собираемся сегодня?

– Конечно! Едем в клуб, бро!

– Во сколько?

– В восемь. Встречаемся у Тихого моста, где в первый раз.

– Ага, давай.

Я положил трубку. Настроение после разговора со Свирем резко взлетело вверх.

– С кем это ты говоришь? – проворковал нежный женский голос сзади.

Я резко обернулся.

Аня, секретарша начальника, стояла, чуть изогнувшись и прислонившись к дверному косяку.

– Тебе чего? – спросил я небрежно.

Она удивленно подняла брови.

– Босс сказал помочь тебе в работе.

– Кофе налей.

– Я тебе чего, прислуга?

– Иди тогда отсюда.

Она вздрогнула, но не ушла. Я разговаривал с ней в подобном тоне в первый раз. Раньше было не так. Совсем не так. За одну ночь всё изменилось. И я понимал, что никто вокруг не осознавал, что произошло со мной.

Она молча налила кофе и поставила передо мной. Затем

нагнулась, придвинувшись ко мне свисающей грудью, и тихо проговорила:

– А еще босс сказал, что ты на грани самоубийства.

Я глянул на нее холодно и усмехнулся.

– Ну пусть будет так.

– Это из-за женщины, да? – мечтательно произнесла она.

Роль соблазнительницы она выполняла столь натужно, что мне внезапно стало безумно смешно. Ее томные взгляды и неловкие изломы тела отталкивали своей нелепостью и неестественностью.

– Фильмов насмотрелась? – буркнул я, отвернувшись от нее.

– Ты так изменился, – ответила она после небольшой паузы.

– Мне плевать, что ты думаешь обо мне.

– Расскажи мне о ней.

– О ком?

– О той женщине.

– ОК, – я поднял глаза и мечтательно закатил их. – Как только я ее вижу, я начинаю сходить с ума, внутри меня всё дрожит и горит. Как только я отхожу от нее, меня бросает в холод и душа начинает умирать. Но если плюю на все дела и тут же возвращаюсь к ней, я больше себя не сдерживаю. – Я остановился и взглянул на Аню. Она восхищенно смотрела на меня и тут же потребовала продолжения.

– Первый раз я даже боялся прикоснуться к ней, понима-

ешь?

– Но она тебя не отвергла?

– Она многих отвергает. Но если осмелиться дотронуться до нее и затем войти в нее...

– Как она выглядит? – нетерпеливо перебила меня Аня. Она сильно покраснела и позабыла о своих ужимках.

– Она очень изящная, длинноволосая, безумно сексуальная...

– А что она носит?

– Ммм... она любит темно-серый цвет. Она жгучая брюнетка и носит строгий костюм цвета мокрый асфальт. Скажу тебе по секрету, – я поманил Аню пальцем к себе. Она нагнула ко мне свое ушко, и я услышал ее учащенное дыхание. – Я выбрал ей этот костюм, – зашептал я, – и черные лаковые туфли, и ярко-красную помаду, и разные стильные аксессуары.

– У тебя... есть ее фотография? – Аня почти задыхалась.

– Нет. Кстати, надо сделать совместное фото. Спасибо за совет.

– И вы с ней сегодня встречаетесь?

– Ага, она меня ждет. Я пойду тогда, Ань. Ты доделаешь таблицу?

– Да, конечно! Иди...

– Слушай, Ань, а не одолжишь мне денег. На цветы бы немного...

– Конечно, конечно, – Аня торопливо вытащила кошелек

и достала несколько купюр.

– Спасибо, Анечка! – я чмокнул ее в щеку.

Раньше подобное и представить было невозможно. Аня опешила и покраснела еще больше.

– Она – мой идеал, – говорил я на ходу, застегивая куртку. – Без цветов как-то неудобно. Слушай, а на конфеты не будет? С зарплаты верну.

– Ой, прости, на карточке деньги, – извиняющимся тоном проговорила Аня.

Я махнул рукой и вышел из офиса. И сразу же дико захотел.

– Вот она, новая, свободная жизнь!

Через пять минут я подошел к месту свидания.

– Моя красавица. – Я нежно погладил Камаро по капоту и открыл дверь. – Ты – мой идеал. – Я обнял руль и глубоко вздохнул.

– А ведь эта Аня – неплохая телка. Помню, что, когда первый раз увидел ее где-то год назад, тут же стал одним из ее тайных воздыхателей. Не мог даже без заикания в голосе с ней разговаривать. Теперь всё по-другому. Хотя... может, и как-нибудь поощрю ее, потом.

Я газанул и Камаро, чуть вильнув изящной кормой, сорвалась с места. Накрапывал привычный осенний дождь. Мне, признаться, в данный момент нравилась мрачность погоды. Она улетучивала атмосферу беззаботного веселья и создавала ощущение грубоватости, холодности, прагматичности.

В игривых лучах яркого, ласкового солнца цинично уничтожить свою старую жизнь невозможно. Особенно, если ты недостаточно силен внутри. Город сильнее тебя, и он решит и изменит тебя по своему собственному желанию.

Я быстро доехал до Тихого моста. Друзья в полном составе собрались и ждали меня. Их автомобили, идеально чистые, отполированные, восхитительно дорогие, молча приняли в свой круг замызганного, но сногшибательного, темно-серого красавца.

Хозяева курили на улице. Я вылез и поздоровался со всеми. Чувство восторга охватило меня. Беспокойные мысли, вопросы, сомнения, терзавшие меня в одиночестве, ушли прочь.

Гошик хлопнул меня по плечу.

– Чувак, сегодня будут гоночки!

Я немало удивился его поведению. Вчера он будто бы не доверял мне.

– Ну и отлично, – с вызовом ответил я. – Погоняем! – я взглянул на девушек и широко им улыбнулся.

Мира и Роза, максимально легко одетые, слегка пританцовывали под медлительный хип-хоп, доносившийся из Гелика. Ветер и беспорядочный мелкий дождь усиливались, и я изо всех сил старался не дрожать.

– Здорово, что приехал. Вчера, к сожалению, не всё получилось, что задумывали, – обратился ко мне Изислан.

– Блин! Нафига вспоминать, что было вчера? – резко ска-

зал Свирь.

– Не стесняйте Витю, – ласково проговорила Мира и обняла его за плечи.

– Блин, Мирка, дай докурить, – улыбаясь, Свирь попытался вырваться. Но Мира схватила его за щеки и прильнула к губам. Свирь бросил вырваться и заткнул дымящуюся сигарету за ухо.

Роза кокетливо улыбнулась, увидев мой удивленный взгляд.

– У тебя Версаче? – спросила она.

– Ты о чем?

– Твои джинсы. Я такую модель не помню, – она указала на мою рваную штанину.

– А... да. Это из Милана, – бросил я как можно небрежнее.

– Не припомню, чтобы была асимметрия. Обычно порваны обе штанины.

– Это новейший тренд, – посмотрел я ей прямо в глаза.

– Интересный, – лукаво улыбнулась она мне.

– Ну поехали! – решительно проговорил Свирь, бросив окурок на землю.

Мира отстранилась от него и громко дышала.

– Адреса не знаю, – весело прищурился я.

– Держись за мной, – спокойно сказал Изислан. – Даже если меня не увидишь, то всегда услышишь.

Роза хохотнула.

– Он еще не заценил твой выхлоп! – воскликнул Гошик.

– Счастливый человек, сейчас услышишь это впервые, – улыбнулся Изислан, открыл водительскую дверь своего Ягуара, завел двигатель и начал газовать на холостых.

Рвякающее, захлебывающееся ненавистью, яростное бульканье разнеслось на сотни метров вокруг нас. Выхлопные трубы отстреливали громоподобно, сумасшедшие звонкие хрипы на максимальных оборотах восьмицилиндрового двигателя перемежались с плевками огнем. Тихий мост замер от ужаса.

Я взглянул на моих друзей. Они стояли, замерев от восхищения, с глупыми улыбками на лицах. Мы обожали автомобили. Возможно, как ничто другое на свете. И это объединяло нас. Я чувствовал разлитое единство в воздухе.

Когда Изислан вылез, я поджал губы и просто молча закивал. Он понимающе кивнул в ответ.

– Кстати, видеоролик из ресторана на моем канале! – довольно сообщил Свирь.

– И... как успех? – осторожно спросил я.

– Не очень большой, но есть. Там видно плохо. Не различить, кто есть кто.

– Самый забавный момент, когда Гошик пытается развести костер, – отметила Мира.

Все, включая Гошика, рассмеялись.

– Ну, поехали. Что мерзнуть тут? – поежилась Роза.

Мы согласились и сели по автомобилям. Но погонять не

удалось. Мы встряли в пробку. Она тянулась по проспекту, вялая и тягучая, и в атмосфере тепла и уюта салона я почувствовал, что начинаю засыпать. В какой-то момент мне даже кто-то бибикнул. Я встрепенулся и глянул направо. Водитель белого БМВ Икс шесть Эм подмигнул мне, и я перестал смотреть на дорогу. Это была Мира, захватившая всё мое внимание. Она подъехала ко мне так близко, что едва не сбила боковое зеркало. И хотя я смотрел на нее снизу вверх – из низкого Камаро Икс Шесть казался высоченным – я мог видеть всё, что она творила в салоне.

Сняв кожаную куртку, Мира медленно стянула блестящую золотистую водолазку, выглядящую, словно рыба чешуя. Я не сомневался, что она не остановится, и не ошибся. Оставшись топлесс, она уставилась на меня жгучим, неотрывным взглядом.

Мы ползли по двум параллельным полосам. Время от времени мне сигналили недовольные водители, так как я старался держать поток вровень с соседним, а впереди было метров двадцать пустой дороги. Мире было абсолютно все равно, что происходит вокруг. Она вроде бы и не смотрела на дорогу. Она делала всё столь уверенно и эстетически великолепно, что я почувствовал, будто смотрю кино. Я просто задрожал от переполнения эмоций. Ибо то, что я увидел дальше, потрясло меня в прямом смысле. Мне хотелось вырваться из плена пробки, отцепить ремень безопасности и прыгнуть в ее белоснежный БМВ. Мира взяла черную шелковую

повязку и медленно обвязала её голову, аккуратно и точно прикрыв глаза. Я видел, что она не видит ничего. А ей было плевать. Она улыбалась мне.

Затем она закинула правую руку куда-то на заднее сиденье и в поле моего зрения торжественно всплыл бокал, до краёв наполненный бордовой жидкостью. Она отпила, а затем медленно начала плескать содержимое на себя. На шею, лицо и голую грудь. Её кожа заблестела, став кроваво-красной. У меня перехватило дыхание от ужаса. Она прижалась ко мне ещё ближе, и вот мое правое зеркало неприятно скрипнуло о её водительскую дверь. Я дернул рулем влево. Она, почувствовав, что я сдался, продолжила наступление, медленно прижимаясь к моей полосе. Сзади громко и продолжительно посигналили.

Я глянул вперед, оценил дорожную обстановку, а затем снова вернулся взглядом к Мире. Задние стекла БМВ были глухо затонированы, но через передние стекла я увидел то, что с заднего сиденья протянулись чьи-то мужские руки и схватили Миру за шею. Я вскрикнул. Руки переместились на плечи, затем на грудь, и снова на шею. Они то ласково поглаживали «окровавленное» тело девушки, то мягко душили её блестящую шею. Мира подняла завязанные глаза вверх и начала судорожно открывать рот. Нетрудно было предположить, что она стонала.

Я все еще полз с ней параллельно, как вдруг перед нами возникли виновники затора – два аварийных автомобиля, за-

нявшие оба наших с Мирой ряда. Один, вероятно, перестраивался, и неудачно подрезал другого. Я не успел среагировать, крутанул руль влево, но все же задел правым зеркалом стоящую Газель. Перед самым перестроением я успел заметить, что мужские руки засовывают в рот Миры клубнику с капелькой взбитых сливок на кончике ягодки. Зеркало, к счастью, не разбилось, а только сложилось.

Как только мы объехали зачинщиков пробки, дорога тут же стала свободной и БМВ рванул вперед. За восьмицилиндровым битурбированным монстром мне с моим двухлитровым двигателем и с задним приводом по мокрой от дождя дороге было не угнаться. Остальные друзья, ехавшие в пробке чуть впереди, также улетели вперед. Я хотел ползти положенные шестьдесят с допустимым превышением до восьмидесяти, но разве я мог отстать?

Гнать было неприятно: машина шлифовала задними колесами асфальт, я со страхом ввинчивался в пугливый трафик, бросаясь из полосы в полосу, пытаюсь держать скорость от девяноста до ста тридцати. Я щурился, рыскал взглядом, пытаюсь разглядеть намерения пешеходов, мелькавших среди огней вечернего города, дворники бесконечно терли мое лобовое стекло. Я вспотел и выключил музыку, которая, как мне казалось, чудовищно отвлекает меня.

Наконец, я увидел всю компанию на светофоре. К большому моему удивлению, они не проскочили на красный. Я затормозил и попытался всмотреться в БМВ Миры, но он

стоял впереди, и я смог лицезреть только моих соседей: ухмыляющееся лицо Гошика за рулем Гелика слева и взъерошенную голову Свирия в Рендж Ровере Спорт справа.

Едва загорелся желтый, неугомонная молодежь рванула с места. Ауди с Ягуаром улетели, идя долго ровень, насколько я мог видеть. За ними, отставая каждую секунду на десятки метров, несся белоснежный БМВ. Рендж Ровер и Гелик следовали со значительным отрывом. Я плелся в хвосте, хотя и выжимал из Шевроле все соки. В этот момент мое безудержное, слепое обожание к Камаро пошатнулось. Я начал тихонько ругаться на нее.

– Отстаешь, Слава! – крикнул Гошик, подходя ко мне, когда мы, наконец, припарковались у шикарного ночного клуба.

– Да, гоночки от ментов тебе будут в напряг, – согласился Свирий.

Мира вылезла из БМВ, как ни в чем ни бывало, полностью одетая и с непроницаемым лицом. Роза улыбалась, глядя на подругу. Изислан закурил, широко расправив мощные плечи.

– Кто победил? – спросил я.

– Да мы не на победу, а эмоций ради, – ответил Изислан. – Ну вообще я, – скромно добавил он.

– Только потому, что я тебе дала перестроиться, а так бы ты влетел в мусоровоз на своей полосе.

– Не спорю, – примирительно сказал Изислан. – На две-

сти двадцать влететь в мусоровоз... Прикиньте, погибнуть в мусоре? Если...

– Нафига это представлять? – громко перебил его Свирь. – Идемте внутрь.

Мы все подошли ко входу. Его плотно обступили три фейсконтрольщика, одетые в черные пиджаки.

– Ой, как вы не мерзнете, ребята? – удивленно пропела Роза и шагнула ко входной двери. Ей быстро глянули в сумочку и пропустили внутрь. То же самое произошло с Мирой.

Нам один из охранников входа произнес:

– С каждого по пятерке. Народу много, не всех пускаем.

– Это что, гендерное неравенство? – хмыкнул я.

– Не понял? – тупо переспросил фейсконтрольщик.

– Девушкам бесплатно, парням платно? – сухо уточнил я.

Гошик молча достал пятитысячную купюру. За ним последовал Свирь.

– Тогда это вымогательство! В Интернете написано, что вход бесплатный, – громко произнес я.

– Не нравится – уходи, – просто ответил охранник.

Изислан шепнул мне на ухо:

– Просто молча отдай и заходи.

– У меня нету, на карточке деньги.

Изислан достал две пятитысячные купюры и вручил стражам. Они важно их взяли и расступились.

– Нафига ты с ними споришь? – спросил меня Изислан,

когда мы шли к гардеробу. Его тон был спокойный, рассудительный, настойчивый, напоминающий то ли детектива, то ли следователя.

– Они же просто грабители!

– Ты как будто первый раз в клубе.

У меня чуть не вырвалось «Угадал».

– Они разве честно их зарабатывают?

– А ты честно на Камаро заработал?

– Я да.

– А чем ты занимаешься, кстати, забываю спросить...

Мы подошли к гардеробу и на спину Изислана неожиданно прыгнула спасительная Мира.

– Где вы ходите? – вскричала она. – Ой... какие плечи могучие!

– А то! – улыбнулся Изислан. Его мрачноватость сразу как-то улетучилась.

– Ну идемте скорее! – позвала она нас громко.

Мы прошли по узкому, темному коридору с красноватой подсветкой и вышли на огромный танцпол. Он был пуст, ведь время только перевалило за девять вечера. Одинокий диджей в белой майке в дальнем углу только заступил за пульт. Играл разогревочный дип-хаус. Ритм ровный, безэмоциональный, трек немелодичный, скучноватый, фоновый.

– Сегодня диджей Криль будет после двух! – радостно сообщила Мира.

Изислан исполнил привычный жест, уважительно поджав

губы и закивав головой. Я последовал ему.

«После двух, – поразмыслил я, пока мы поднимались за Мирой по изящной, подсвеченной лесенке. – Что бы там не устроил этот Криль, до двух я свалюсь замертво на танцпол». – По пальцам можно было пересчитать количество часов, которые я спал на этой неделе. И только небывалый, девятибалльный шторм эмоций, полыхавший внутри, держал меня на плаву.

Мира толкнула стену и неожиданно распахнулась дверь. Удивился только я. «Если я выйду из нее, назад дорогу не найду», – подумал я.

Когда мы вошли внутрь, я просто обомлел, и снова я один. Взору предстала небольшая комната, по периметру которой от потолка до пола свисали величественные черные шторы. По ним весело и неугомонно, не останавливаясь ни на секунду, плясали золотые, белые и красные огоньки, отбрасываемые лазерами с потолка. Единственной мебелью, которая находилась в комнате, была гигантская кровать с алым покрывалом и огромной кучей милых бархатных подушечек. Музыка подавалась сюда с танцпола с помощью нескольких огромных колонок в углах комнаты. Изображение с самого танцпола транслировалось на огромный экран, висевший на одной из стен.

На кровати сидели и болтали без умолку пять незнакомых мне парней и девушек. Здесь же были все мои друзья.

Я присел на краешек кровати рядом и почувствовал себя

не в своей тарелке. Брать инициативу и что-то предпринимать в такой незнакомой мне, душному офисному планктону, обстановке было сложновато. Я не чувствовал большого желания веселиться. Больше всего хотелось упасть на кровать ничком и закрыть глаза, под монотонные звуки разогревочной музыки погрузиться в сладкую дрему.

К моему изумлению, именно так поступил Гошик. Он сразу же лег в дальний конец кровати и, не дождавсь заказанного коньяка, уснул.

Мне, разумеется, подобное не светило.

– Ну-с... – бодро начал Свирь, когда нам принесли бутылку шампанского за девять тысяч, – за нового члена в нашей команде. Вчера не так комфортно было знакомиться...

– Почему это? – возразила Мира. – Очень даже... – она прервалась и обожгла меня взглядом.

– За то, чтобы не выйти отсюда несчастными! – громко провозгласил Свирь.

Мы чокнулись и выпили. Затем Свирь отлучился ненадолго, и я оказался рядом с Мирой.

– Ты просто сумасшедшая! – обратился я с улыбкой к ней.

– Ты о чем? – она непонимающе взглянула на меня.

– Твой перформанс.

– Тебе понравилось? – в ее глазах блеснул огонь.

– Ты могла врезаться.

– Но это сделал ты! – она засмеялась.

– Слава, ты пойдешь на танцпол? – спросила Роза.

– Там еще нет никого, – ответил я.

– Ну и что? Ты стесняешься?

– Музыка не очень.

– А я совсем скоро пойду.

Тут Роза к моему удивлению достала свернутую тетрадку, открыла ее и погрузилась в какие-то записи, делая пометки красной ручкой.

– Роза, ты школьная учительница? – спросил я.

Мира засмеялась.

– Нет! Это личное, – отрезала Роза и отодвинулась от нас.

Вернулся Свирь.

– Надо поработать! – весело крикнул он.

– Что сегодня? – уточнила Мира.

– Снимаем ответы на вопросы моих дорогих подписчиков канала. Итак, за неделю мне пришло 19483 вопроса. Я выберу из них несколько и отвечу. А затем жребий определит, кто станет победителем и получит главный приз, а это, дорогие друзья, возможность появиться в моем следующем видеоблоге на десять секунд. Вы сможете в течение этого времени передать привет родителям или состроить дебильную рожицу или прорекламирровать свой товар или даже самого себя. Напомню, что Вас увидит десять миллионов человек. Или даже больше.

Свирь резко дернулся и в кадре появилась бархатная подушечка, которую швырнул в него проснувшийся недовольный Гошик.

– Вопрос первый: Свирь, какой видишь будущую экономику нашей страны? Вообще никак не вижу. Я живу только в настоящем времени. К тому же, темы экономики и политики мне совсем неинтересны.

– Вот и правильно! – влезла Мира. – Кто лезет в политику, тот не улыбается по жизни.

– О! Видите? – Свирь улыбнулся и панибратски хлопнул Миру по спине. – Устами женщины глаголит истина.

– Перестань болтать и выпей! – Мира сунула Свирю под нос фужер с шампанским. – В горле, небось, пересохло.

– Угу, – мотнул головой Свирь и приник к напитку.

– А я прочитаю пока следующий вопрос, – произнесла Мира и в ее голосе отчетливо появились ноты опьянения. – Дорогой Свирь, хочу переехать в Ваш город и не знаю, с чего начать. В отрасли, где я работаю, даже в Вашем городе зарплата будет около двадцати тысяч рублей. А снимать квартиру выйдет около сорока тысяч. Что посоветуете?

– А кем он работает? – нахмурился Свирь.

Внезапно музыка сменилась и заиграл агрессивный даб-степ.

– Я пойду танцевать! – капризно произнесла Роза. Встала и ушла.

– Короче, – заговорил Свирь. – Я думаю, что ты просто мало работаешь. Брат, начни с малого. Начни вставать в пять утра, займись йогой, медитации там... Питайся правильно, попробуй вместо сосисок и дошика есть морепродукты.

– А вот, нашла подпись! – радостно вскрикнула Мира. – Это школьный учитель Василий Михайлович Надеждин из деревни Сысоево Псковской области. – Она не удержалась и захохотала.

Свирь сдержался. – Надо было на Вы к нему. Ну я не знаю... начните с пилатеса, господин Надеждин.

– Ну это для женщин больше, – возразила Мира.

– Нет, для всех подойдет, если не занимались никогда спортом. Там акцент на правильном дыхании, растяжке, снятии стресса.

– Может, Василий Михайлович физкультуру преподает, – предположила Мира.

– В любом случае, Василию Михайловичу нужен акцент на правильном дыхании. Это основа жизни.

– В общем, – резюмировала Мира, – Василий Михайлович Надеждин, надейся и жди.

– Да, – согласился Свирь.

Принесли огромную тарелку с фруктами. Свирь отщипнул несколько виноградинок и зачитал следующий вопрос:

– Как победить депрессию? Вопрос от Яны, четырнадцать лет. Город Певек.

– Яна, ну ты даешь! – возмутился Свирь, выплюнув виноградные косточки в ладонь. – Какая у тебя депрессия может быть?

– Ну мало ли в подростковом возрасте, – возразила Мира. – У меня вот была и не раз. Когда нас с мамой отец бро-

сил.

– Ну сгоняй на море, – смягчил тон Свирь. – Погрейся, развейся, отдохни.

– Певек... – проговорила Мира, набирая что-то в смартфоне, – город находится на берегу Восточно-Сибирского моря.

– Ну вот, видишь, Яна! Тебе и ехать никуда не надо.

– Но это почти Северно-Ледовитый океан, – улыбнулась Мира.

– Ну возможность всегда реально найти, – горячо проговорил Свирь. – Если захотеть, можно закалиться, нырять там... в прорубь... Короче, главное – это выйти из зоны комфорта.

Я дернулся и поморщился.

– Ты сейчас слишком в большой зоне комфорта, Яна, в своем Певеке, понимаешь? Выходи на улицу и испытывай самые большие эмоции в жизни. Вот тебе мой совет. Короче, всё, я устал. Заканчиваем, Мира.

– Давай победителя выберем.

– Кидаем жребий и... победителем и участником моего следующего видео на десять секунд становится... человек из Барнаула под ником «Отсидел за репост». И он задал мне вопрос: «Свирь, как верить людям дальше?» Дружище, десять секунд в моем следующем видео – заслуженно твои, брат! Прилетай к нам ближайшим рейсом!

– За свободу без ограничений! – провозгласила Мира.

Мы снова чокнулись и выпили. Все, кроме Изислана. Он сидел молча и для чего-то яростно разминал запястья. Я поинтересовался причиной его поведения.

– Он спортсмен, – пояснила за него Мира. – Он постоянно тренируется и следит за питанием.

– Вчера я съел неизвестно что в вашем ресторане без света, – недовольно пробурчал Изислан. – И выпил тем более. И сегодня весы показали на триста грамм больше.

– Какая трагедия! – хохотнула Мира.

– Для меня да! Теперь приводить себя в порядок нужно несколько тренировок.

– Чтобы растрясти жир?

– Чтобы вымыть из организма все вредные вещества.

– Так ты и сейчас пьешь шампанское!

– Вот я и не перестаю приводить себя в порядок, – серьезно ответил Изислан, активно разминая шею.

– А давай я тебе массаж сделаю! – загорелась Мира.

– Мне в моем зале и так делают массаж. Другие женщины.

– Тебе не делают главного массажа.

– Только не массаж мозга!

– Именно! – Мира подскочила и начала быстро массировать лысую голову Изислана.

– Уши пощади!

Я огляделся. Гошик опять спал, закрыв лицо одной рукой. Свирь погрузился в смартфон, что-то бешено печатая двумя руками. Я решил спуститься к Розе.

Разогрев наконец-то кончился и заиграл прогрессив-транс. Танцпол быстро заполнялся людьми. Я разглядел Розу, но рядом с ней и незнакомого мне рослого блондина. Решил не подходить.

Поискав глазами потенциального собеседника и не найдя никого, я повернулся, чтобы направиться в уборную. И неожиданно встретился глазами с незнакомой девушкой. Я поразился ее печальному, даже растерянному взгляду, совершенно не похожему на взоры моих друзей. Я всмотрелся в ее лицо, бледное, чуть мертвенного оттенка. Глаза сильно подведены черным цветом, щеки пухлые, трогательные, губы маленькие и тоже пухлые, блестят алым, волосы смолисто-черные. И одета она была во всё черное, что показалось мне довольно странным. Клуб, насколько я понял, ориентировался на светлую электронную музыку. Присутствовавшая молодежь была преимущественно в белом цвете, символизирующем легкость, доброту и отсутствие агрессии.

Наши взгляды сошлись секунд на десять. Она не улыбнулась, а смотрела как-то пронзительно ясно. На мгновение я захотел быть с ней. Но решил подумать и резко свернул в сторону уборной. Когда вернулся через несколько минут, ее уже не было. Однако странное чувство не отпускало меня. Было чуть жутковато, но одновременно страшно интересно. Что кроется за такой личностью? Улыбается ли она вообще? Ради чего живет?

Я поднялся наверх в комнатку к друзьям, не без труда

отыскав замаскированную дверь. Гошик по-прежнему спал, Изислан лежал на диване на животе, Мира, дурашливо улыбаясь, массировала ему скулы. Свирь разливал шампанское присоединившимся незнакомым девушкам. Они похохотывали. Внезапно всё мне показалось фальшивым и глупым. Почему-то я не мог представить девушку в черном в этой обстановке. Не зная ее совсем, я поставил ее на другой уровень понимания жизни, совсем другой. А подумать только – это были всего десять секунд, которые я смотрел в ее глаза, но как же разыгралось воображение.

Внезапно кто-то несильно хлопнул меня ладонью по щеке. Это была Мира.

– Зачем так глубоко задумываться? – весело произнесла она.

– Чтобы прислушаться к внутреннему Я и понять, что, в сущности, тебе нужно, – ответил я спокойно.

– А я считаю, что это лишнее, – сказала Мира. – Ты навязываешь себе какие-то идеалы, установки, ценности и пытаешься им следовать. А это значит, что ты становишься рабом своей дисциплины.

– Самодисциплина нужна, – тоном морализатора произнес я.

– Не-а! – возразила Мира.

– А как вставать по утрам?

– А ты что, встаешь на работу? – удивилась Мира.

– Иногда надо, – уклончиво ответил я.

– А я сплю до трех-четырех дня.

– Но что-то ты заставляешь себя делать? – наседал я.

– Не-а!

– Неужели всё только по сиюминутным желаниям?

– Угу.

– Невероятно.

Вернулась Роза и тихо села на краешек кровати. Снова взялась за тетрадь, что-то записывая.

– Теперь наша очередь, – хитро подмигнула Мира мне. – Идем! – она схватила меня за руку и потащила на танцпол.

– Я только что оттуда.

– Ну а где результат?

– В смысле?

– С кем поедешь домой?

– Один.

– Так не должно быть!

– Мне завтра... – начал я.

– Рано вставать, – перебив, закончила за меня фразу Мира.

Я промолчал, и мы спустились на танцпол.

– Ну? – нетерпеливо воскликнула Мира. – К кому не решаешься подойти?

– Ни к кому, – удивленно ответил я.

– Тебе не нравится, что ты видишь?

– Зато мне нравится, что я слышу.

Мира хихикнула.

– Зубы не заговаривай, а то сейчас с первой встречной сведу. – Она больно ущипнула меня за трицепс.

– Да здесь все первые встречные.

– Давай, быстрее, а то сверху в комнате нас по экрану смотрят.

– И что?

– Свирь снимает экран в прямом эфире! Подписчики разбегутся и видео не наберет лайков.

– Ну ладно, – махнул я и тут заметил девушку в черном. Она сиротливо стояла у колонны, подпирающей потолок клуба, и рассматривала миниатюрный фонтанчик.

– Вон та.

– Ведьму хочешь? – округлила глаза Мира.

– Почему ведьму? – я аж закашлялся от смеха.

– Ну, кого она представляет – готов, эмо? Я не разбираюсь.

– Вдруг она нормальная?

– Ааа... – хитро прищурилась Мира. – Я поняла тебя. Ты за хайповый контент!

– Да, – покорно согласился я. – Ради подписчиков Свиря стараюсь. Чтобы им было интересно смотреть.

– Ну пойдем! Мне самой интересна стала ведьма.

Мы направились к фонтанчику.

Когда мы приблизились вплотную, девушка взглянула мне в глаза и опять меня понесло куда-то на темных волнах. Я представил себе вечерний океан, беспокойный и хо-

лодный, в котором я тонул под свист дикого ветра. И ни одного спасателя на берегу не было видно. И шторм усиливался, а океан почему-то чернел с каждой минутой. И вот, спустя некоторое время, я словно барахтался в бурлящей нефти.

– Это Слава! – услышал я приторный голос Миры.

– Очень приятно.

Я вздрогнул. Голос девушки в черном звучал обволакивающе густо, туманно, глухо.

– Я Элиза.

– А ты не из этих? – выразительно спросила Мира, изобразив что-то пышное в воздухе.

– Из каких? – она улыбнулась.

– Субкультур.

– Нет. Может, внешне напоминаю готессу...

– Готесса Элиза, – перебила Мира. – Ох, как это... мистично, – застонала она.

Я улыбнулся.

– А вы из каких? – спросила Элиза.

– Значит ты точно из них! – заявила Мира. – Нормальный человек так никогда не спросит, из каких его собеседник.

– Ну ладно, – миролюбиво сказала Элиза. – Какой идеологии придерживаетесь?

– Обязательно нужно за что-то держаться? – хохотнула Мира.

– Конечно! Жизненные ориентиры имеются?

– Ооо... – застонала Мира, – неужели на дискотеке нужно

это обсуждать?

– А я всегда об этом думаю, – серьезно произнесла Элиза.

– Об ориентирах? – залилась смехом Мира.

– Да. О том, что формирует наши ориентиры. Почему в одного вселяется свет, а в другого тьма?

В этот момент как раз кончил играть танцевальный трек, и диджей чуть замешкал с переходом к следующему. Фраза Элизы звонко разнеслась по всему танцполу, и мне показалось, что ее расслышали все присутствующие. Рядом с девушкой в черном стало неловко стоять.

– Ты напилась или накурилась? – опомнилась Мира.

– Ни то, ни другое, – улыбнулась Элиза.

– Значит, что-то тяжелее, – вздохнула Мира и замешкалась, взглянув на меня.

– А разве мы рождаемся не во тьме? – ляпнул наконец я.

Мира закатила глаза. Потом вдруг резко осеклась и прошептала мне на ухо:

– Ты для видеоролика стараешься, да?

Я ничего ей не ответил.

– Конечно, не во тьме, – невозмутимо ответила Элиза. – Мы рождаемся в свете. Но тьма все время подступает к нам, щупает нас.

Мира дико развеселилась.

– Тьма, пощупай меня! – она ткнула пальцем воздух. – Я готова. – Она начала поглаживать свою пестро-золотистую водолазку.

– Я бы не стала заигрывать с тьмой, – покачала головой Элиза.

– А что, неудачный опыт? Тьма тебя бросила? – поинтересовался я.

Мира весело фыркнула.

– Нет, я ей изменила, – серьезно ответила девушка в черном.

– С кем, со светом? – уточнила Мира.

– Да. Просто я тогда не была готова к серьезным отношениям с тьмой.

– И что, тьма тебя не простила? – спросил я.

– Простила. И приняла назад, – просто ответила Элиза.

– Да мы видим, видим! – подавилась смехом Мира.

– То, что вы видите, ничего не значит.

– Ну да, главное, конечно, сокрыто внутри-и-и, – дурашливо протянула Мира.

– Не совсем. Приняв тьму, я должна делиться ею с окружающими. Я не храню ее в себе.

– Ой, а мы делимся только светом, правда, Слава? – захлопала глазами Мира глядя на меня.

– Если на свет хватает денег, то да, – подтвердил я, ухмыльнувшись.

– Пойдем наверх по шампанскому, а? – предложила Мира, хохоча.

– А, может, отобьем тьму у Элизы? Поинтереснее задачка, – улыбнулся я.

– А давай! – загорелись глаза у Миры.

– Если не готовы, то не стоит, – покачала головой Элиза.

– Ой, да че там! – махнула Мира. – Чего делать-то надо?

– Предлагаю вам махнутья одеждой! – осенило меня.

Мира вытаращила на меня глаза.

– Ты попробуешь внешне стать тьмой, а Элиза станет светом – ярким, золотистым, как ты сама.

Мира расплылась от счастья.

– Пойдем в туалет переодеваться, – сказала она Элизе.

Они ушли. Я остался на танцполе. Дискотека набирала обороты. Играл сумасшедший электро-хаус. Девушки прибывали и прибывали стайками – все дорого разодетые, игривые, довольные.

Я неожиданно почувствовал странный холод, подступавший к телу. По спине пробежал озноб. Резко начало клонить в сон. Пришло чувство одиночества. Захотелось закрыться ото всех, зарыться в одеяло, исчезнуть, сгинуть отсюда. Но я решил отогнать давящие мысли. На протяжении многих лет они приходили ко мне после ненавистной работы каждый вечер.

– Надо одеться или выпить для согрева, – подумал я и быстро направился в сторону женского туалета. – Дождусь девочек и пойдем все наверх.

Я принялся ждать, переминаясь с ноги на ногу, присматриваясь к спующим мимо девушкам. Большинство из них чувствовали себя превосходно, вели себя уверенно и раско-

ванно, некоторые из них выходили из уборной, пританцовывая и выразительно глядя по сторонам, лишь очень малая часть чувствовала себя неуютно и вела себя скромно.

– Она не стоит того, чтобы ее ждать, – прозвучал нахальный голос мне в лицо. Передо мной стояла высокая блондинка в красном кожаном платье, сжимая в маленьком кулаке кусок какой-то ткани.

– Нужно пойти с тобой? – спросил я с легкой издевкой в голосе.

Вместо ответа она разжала пальцы и продемонстрировала мне женские трусики.

– У меня нет с собой ни копейки, – ответил я.

– Ты думаешь, я продаюсь? – обиженно сказала она.

– Не знаю, – ответил я и отвел глаза.

– Может, я одинокая! – запальчиво произнесла она.

– Может, – согласился я.

– И ты тоже!

– И я тоже.

– Ну так поехали!

– Куда? – удивился я.

– К тебе домой, – тоном, не допускающим возражений, ответила она.

– У меня нет дома. Только работа.

– Тогда на работу!

– Слушай, обычно такими как ты становятся где-то после четырех утра.

– А я не такая, как все.

Я рассмеялся. Но мне отчаянно захотелось на работу. Просто попить кофе и поговорить по-человечески, не важно с кем и о чем.

– А поехали! – сказал я ей бодро.

Она обрадовалась.

Мы вышли и краем глаза успел заметить, что желтый эвакуатор поворачивает за угол. А на нем стоит мой Камаро.

Я выругался и топнул ногой по асфальту. Фейсконтрольщики сзади усмехнулись.

– Твари, может, это они учинили! – я оглянулся и смерил их подозрительным взглядом.

Мы подошли к пустующему месту на парковке. Никаких запрещающих знаков поблизости не было видно.

– Может, ты не в пяти метрах от пешеходного перехода остановился? – предположила моя спутница.

– Не помню, где-то здесь стоял.

Мы вместе прикинули на глаз – оказалось около четырех метров. Автомобили всех моих друзей стояли на своих местах.

– Вот что значит быть последним, – процедил я сквозь зубы.

– Что ты говоришь? – сочувственно спросила моя спутница.

– Такси надо вызвать. Только у меня денег нет. На карте.

– Я дам!

– Не сомневаюсь. – Я достал смартфон, набрал номер и вызвал такси.

Подъехал желтый Солярис.

– Будь он оранжевым, я бы не сел!

– А ты с характером, – оценила моя спутница. – Я люблю принципиальность.

– Тебя как зовут-то хоть?

– Кортни.

Я закатил глаза.

– Ну ладно... Тебе скажу по секрету. Вера, – шепнула она, наклонившись к моему уху.

– Не хочет, чтобы таксист узнал ее имя, что ли? – усмехнулся я про себя.

Я набрал полицию, назвал госномер Камаро и выяснил, на какую штрафстоянку его увезли. Вера предложила мне съездить и забрать машину, чтобы не накапали штрафные часы.

– Это далеко. На окраине города. – И назвал ей адрес штрафстоянки. Об истинной причине – полном отсутствии у меня денег – я умолчал.

Минут через тридцать мы подъехали к территории до боли знакомого мне завода. Вера заплатила четыреста рублей, и мы вылезли в холодный дождь.

– Идем скорее!

– Бежим!

И мы побежали, весело смеясь, перепрыгивая лужи и ямы,

к дверям моего офиса.

– Еду щас закажем! – крикнул я.

– Я на диете! – ответила она.

– Еда для меня, но ты расплатишься!

– Ладно! – легко согласилась она.

Мы зашли в офис. Она сразу сбросила курточку и осталась в своем алом кожаном платье. – Ой, я так замерзла.

– Выпьешь чего?

– Виски с колой, – привычно ответила она.

– Какой виски с колой? – захохотал я. – Кофе растворимый! И тот, по-моему, закончился... Ну да, чай в пакетиках с бергамотом.

– Пусть будет чай, – совсем не смутившись, махнула рукой она.

Я удивился и подумал: «Неужели, ей впрямь всё нравится?»

Я вскипятил полный чайник и залил два пакетика. Из угощения достал все ту же полупустую банку с засохшим вареньем.

– Ну вот, что есть... Щас позвоню, закажу себе сет из ролл, а тебе салат с рукколой.

– Давай. Я сначала чай попью, я так замерзла.

Я налил ей и себе. Поставил сахар и отошел позвонить. Когда вернулся, она уже выпила полстакана.

– Ничего себе, ты пьешь!

Я чокнулся с ней игриво и отхлебнул.

– Я тебе его и послала, – улыбнулась она.

– Спасибо. Откуда ты такая взялась?

– Какая?

– Добрая, искренняя. Еще и симпатичная.

– Ну видишь, бывает и так.

– Любишь добро делать?

– Да, я благотворительностью занимаюсь.

– Ух ты! А как ты пришла к этому?

– Я выросла в детдоме.

– Бедная, – сочувственно произнес я.

– И когда вырвалась оттуда в восемнадцать, то решила, что всю жизнь буду помогать детям без родителей. Но я всегда одинока. Никто меня не понимает. С кем я ни знакомилась, все только отворачиваются.

– Почему? – удивился я.

– Мол, фу, детдомовская, всем, видите ли, подавай ухаживаемых, домашних, с небедными родителями. А я всю жизнь сама верчусь. Потому что хочу создать собственную организацию помощи больным детям.

– Молодец! – восхитился я. – А сейчас ты где работаешь?

– Благотворительная организация. Называется ПоЧеМо – «Помоги чем можешь». А до этого проходила практику в ПоХриР – «Помоги Христа ради».

– А как твоя будет называться?

– «Помощь Хромым, Убогим, Инвалидам и Больным».
Сокращенно – ПоХУИБфонд.

Тут я почувствовал, что мое сознание заволакивает туман, в ушах раздался монотонный шум и сильнейшему желанию уснуть воспротивиться мне не удалось.

Глава 4

Иногда мне кажется, что Бог – это деньги. Божественная сила эта столь вездесуща и неоспорима, а человечность и добро попираются настолько, что мне приходит на ум лишь одна идея. Необходимо начать копать землю. Ведь все основные богатства зарыты в земле. Пока я молод и позволяет здоровье, необходимо предпринять то, что нравится. А идея копать землю мне нравится. Ты никому не подчиняешься, напротив, земля, да что говорить, сама природа подчиняется тебе. Настойчивость и дисциплина на длительном промежутке времени, несомненно, даст положительный результат. Нефть, золото, алмазы – всё это принесет богатство, а, значит, приблизит меня к Богу современности.

Но я думаю о большем. Всегда мечтал принести пользу науке, выкопав останки динозавра. Их можно продать на аукционе частному коллекционеру или попытаться спихнуть в какой-нибудь музей. Не в нашей стране, конечно. Вывезти втихаря за бугор. А в истории я останусь известным палеонтологом. Нужно лишь копать, возможно, всю жизнь. И верить в чудо. Чудо для палеонтолога зарыто в земле. Не надо ничего изобретать. Копайся один-одинешенек в земле, и Бог вознаградит тебя. Возможно, к чему-то подобному я рано или поздно приду. Но пока это фантазии, которые я перебирал, очнувшись утром, сидя за столом в офисе.

Чудесная девушка Кортни, в миру – Вера, которой я легкомысленно поверил, умудрилась унести не только мой смартфон, ключи от Камаро, но даже рабочий принтер и факс. Но и это было не самое неловкое.

Когда начали приходиться мои коллеги по работе, то я было встал со своего места, чтобы поздороваться. К счастью, первой пришла Аня, а не начальник, и тут же, задыхаясь от восторга, начала задавать странные вопросы, на что я недоуменно потребовал разъяснений. Она молча указала мне на мои ноги. Они оказались голые. Джинсы – те самые, которые я собственноручно разрезал ножом для масла ниже колена, были украдены.

«Что ж, видимо, они действительно выглядели, как Версаче. Буду отслеживать Интернет-барахолки. Может, когда-нибудь удастся выйти на их след», – подумал я.

Мне пришлось очень нежно попросить Аню уйти с работы, съездить в ближайший торговый центр и купить мне новые джинсы. Деньги, разумеется, я ей не дал. Она купила их за свои.

Недолго думая, я предложил ей также купить новый принтер и факс. Она оплатила своей картой Интернет-заказ и в течение дня нам привезли новое многофункциональное устройство.

Конечно, с моей стороны это было высочайшее скотство, но не мог же я рассказать всю правду? Вернее, я сказал, что моя невеста – та самая жгучая брюнетка, о которой я расска-

зывал Ане вчера, занимается благотворительностью. И что мы провели ночь в офисе вместе, а к утру я решил пожертвовать в ее фонд помощи детям два офисных устройства. О джинсах я умолчал и не стал ничего придумывать. Просто напустил загадочный вид. Аня поняла всё по-своему. А вот о смартфоне упомянул и попросил ее дать мне какой-нибудь старый телефон. Она, добрая душа, просьбу исполнила.

Я с удивлением отмечал, что с каждой новой помощью она всё больше привязывается ко мне. Не это ли мне нужно было? Что лучшего я мог искать по жизни? Чудесная жена, заботливая мать моих будущих детей – вот она, стоит передо мной и радостно держит мои новые джинсы, которые я прямо перед ней и надеваю, критично отмечая низковатую посадку и недостаточно удобные карманы.

Впрочем, радужным мыслям о светлом и спокойном будущем не суждено было захватить мой разум. В моем мозгу вспыхнула новая тревожная мысль. «Ведь Кортни-Вера знает, на какой штрафстоянке стоит мой Камаро. И у нее есть ключи. Конечно, без документов машину не отдадут, но кто знает, что может придумать эта мошенница. Одурачит ментов и прощай мой Шевроле. И друзьям моим я позвонить не мог. Ведь смартфон был украден, а все номера хранились в нем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.